

.....

.....

.....

.....

.....

ФРАНСИН РИВЕРС

Мост в Хейвен

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2016

ББК 86.37

P49

Перевод с английского

Originally published in English under the title:

BRIDGE TO HAVEN

by Francine Rivers.

Published in Russian by Visson Publishing

by arrangement with

Browne & Miller Literary Associates, LLC.

All rights reserved.

Риверс, Франсин

P49 Мост в Хейвен / Пер. с англ. — СПб.: ЛКС, 2016. — 448 с.

ISBN 978-5-94861-225-6 (ЛКС)

ISBN 978-5-9907920-2-9 (Виссон)

Действие этого романа начинается и заканчивается в маленьком городке с говорящим названием — Хейвен, что означает «гавань, убежище, приют». Главной героине придется пройти через тяжкие испытания, чтобы вернуться в эту гавань, к любящим ее людям. Но главное — ей предстоит понять простую на первый взгляд истину: Бог всегда любит нас и ждет с распростертыми объятиями в Своей тихой гавани, готовый простить нас и исцелить наши раны.

ББК 86.37

ISBN 978-1-4143-6818-4 (Tyndale House Publishers)

ISBN 978-5-94861-225-6 (ЛКС)

ISBN 978-5-9907920-2-9 (Виссон)

© Francine Rivers, 2014

© Издательство «Виссон», 2016

Моим сыновьям и внукам Требору,
Трэвису, Ричу, Брендану, Уильяму
и Логану посвящается

БЛАГОДАРНОСТЬ

Все эти годы многие люди поддерживали меня и оказывали влияние на мое творчество. Мой муж, Рик, всегда был первым в этом списке. Сначала он подталкивал меня начать мою первую книгу, а потом уговаривал вытащить рукопись из шкафа и сдать в издательство. Это он настоял, чтобы я оставила работу, стала домохозяйкой и попыталась сделать карьеру писательницы. Все наши дети, теперь уже взрослые и сами с детьми, тоже вдохновляют меня. Наша дочь, Шаннон, помогает мне вести мои блоги, отправляет мне напоминания о том, что необходимо сделать, а также следит за моей почтой на сайте.

Мой агент, Даниэлла Иган-Миллер, и ее коллега, Джоанна Маккензи, занимаются деловой частью моей деятельности, давая мне возможность сконцентрироваться на очередном проекте, который я начинаю. Я им полностью доверяю и очень благодарна за то время, что они тратят на поиски новых возможностей для публикаций: за рубежом, дома и в киберпространстве. Своим успехом я в значительной степени обязана их усердным трудам.

Мне повезло, я работала с одним и тем же издательством, «Тиндейл Хаус», в течение двадцати лет. Издание книги — это всегда коллективный труд: от редакторов, оформителей до специалистов по маркетингу и знатоков Фейсбука, а также всех сотрудников склада. Я благодарна каждому, кто принимал участие в продвижении моей книги. Я хотела бы выразить особую благодарность Марку Тейлору и Рону Бирсу, они были моими верными сторонниками и хорошими друзьями с самого моего появления в мире христианских публикаций. Они всегда были рядом, с самого начала, и подбадривали меня. Еще один особый друг — Карен Уотсон, она всегда задавала правильные вопросы, чтобы заставить меня глубже вникать в тему, а иногда даже направляла в новое русло. Мой редактор, Кэти Олсон, — подарок судьбы. Она всегда знает, какую часть текста нужно выбросить, а какую расширить. Она

видит и всю картину целиком, и мелкие детали. Я всегда рада работать с ней. Спасибо также Стефани Броен за ее вклад в работу и Эрин Смит за проверку исторических фактов и помощь с авторской страницей в Фейсбуке.

Мои многочисленные друзья всегда рядом, они уговаривают меня продолжать писать, особенно в трудные моменты, когда я вдруг задумываюсь, с чего это я решила, будто могу написать что-то, имеющее хоть какой-то смысл для кого-то. Коллин Филлипс — моя родственная душа в Чили. А члены моей семьи, участники кружка по изучению Библии по вторникам, — мои могучие воины. Когда мне нужна помощь, я звоню моим неподражаемым мастерам мозгового штурма в Кёрд'Ален, они любят Господа всем сердцем, поют как ангелы, пишут как пророки и шутят как первоклассные комедианты. Я всегда с нетерпением жду наших ежегодных встреч, где мы общаемся, веселимся, молимся вместе и придумываем сюжеты книг друг для друга.

Все те, кого я уже назвала и кого не назвала здесь, делают мою жизнь безмерно лучше. Да благословит Господь их всех и каждого в отдельности.

*На Тебе утверждался я от утробы;
Ты извел меня из чрева матери моей;
Тебе хвала моя не престанет.*

Пс. 70:6

1936

Пастор Эзикиел Фриман глубоко вдохнул прохладный октябрьский воздух и начал свой утренний обход. Как только он приехал в Хейвен*, сразу проложил этот маршрут на карте. Каждое здание оживляло в памяти образы людей, и он молился за них Господу, вознося благодарение за испытания, через которые они прошли и с которыми столкнутся сегодня, и просил Господа показать ему, как еще можно помочь прихожанам.

Пастор направился в сторону средней школы Томаса Джефферсона. Он прошел ресторанчик «У Эдди», место, где любили собираться старшеклассники. Внутри горел свет. Эдди подошел к входной двери:

— Доброго утра, Зик. Не выпьете чашечку кофе?

Зик устроился за стойкой, а Эдди принялся складывать горкой булочки для гамбургеров. Они поговорили о футболе в школе и о том, кто имеет шанс получить стипендию. Зик поблагодарил Эдди за кофе и беседу и снова вышел на темную улицу.

Пастор пересек Мейн-стрит и зашагал вдоль железнодорожных путей по направлению к узловой станции. Он заметил костер, подошел к людям, сидевшим вокруг него, и попросил разрешения посидеть с ними. Некоторые из них прожили в городке достаточно долго, чтобы знать Зика. Остальные были ему незнакомы, у всех у них был усталый вид, видимо, бродили по стране, нанимались

* Хейвен (англ. haven) — гавань, убежище, пристанище, приют. — *Примеч. ред.*

на разовые работы по пути, чтобы заработать на пропитание. Один молодой человек сказал, что ему здесь нравится и он надеется задержаться. Тогда Зик сообщил ему, что на лесопилке в северной части города ищут грузчика. Пастор вручил молодому человеку визитку со своим именем, адресом церкви и номером телефона:

— Заходите в любое время. Я хотел бы знать, как вы устроитесь.

Сверчки в высокой траве смолкли, и затихло уханье совы, доносившееся с высокой сосны. В парк Риверфронт въехала машина и остановилась возле туалетов. Из машины вышла женщина. Полная луна давала достаточно света, чтобы она могла видеть дорогу.

Женщина застонала от боли и согнулась, прижимая руки к большому животу. Схватки следовали одна за другой, промежутки между ними уже были меньше минуты. Ей нужно какое-то укрытие, чтобы родить ребенка. Она, шатаясь, подошла к женскому туалету, но дверь его оказалась запертой. Издав придушенный звук, женщина повернулась, оглядывая окрестности.

Зачем она заехала так далеко? Почему не остановилась в мотеле? А теперь все поздно.

Городская площадь была следующей в маршруте Зика. Он помолился за каждого торговца, за членов городского совета, у которых назначено собрание в здании муниципалитета сегодня днем, и за путешественников, остановившихся в отеле «Хейвен». Было еще темно, когда он вышел на Вторую улицу и заметил продуктовый грузовик Лиленда Голландца, он поворачивал в переулок, где располагался рынок. Все звали его Голландец, даже его жена, которая сейчас лежала в больнице, у нее была последняя стадия рака. Зик несколько раз навещал ее и знал, что больше всего ее беспокоит отсутствие веры у мужа, а не собственная приближающаяся кончина.

— Я знаю, куда уйду. Но меня больше беспокоит, где закончит свой путь Голландец.

(Ее муж работал шесть дней в неделю и не считал нужным тратить седьмой на посещение церкви. На самом деле он был зол на Господа и не желал посвящать Ему время.)

Тормоза грузовика заскрипели — он резко остановился. Голландец опустил стекло:

— Слишком прохладно сегодня, чтобы бродить по улицам, пастор. Где-то прячете подружку?

Зик пропустил насмешку мимо ушей и засунул озябшие руки в карманы:

— Это лучшее время для молитвы.

— Ага, адское пламя и аллилуйя, не буду отрывать вас от ваших дел. — Голландец нарочито хмыкнул.

Зик подошел ближе:

— Я был вчера у Шэрон.

Голландец выдохнул:

— Тогда вы знаете, что ее дела не очень хороши.

— Нет. Не хороши. — Если только не произойдет чуда, ей осталось совсем недолго. Но Шэрон было бы легче на душе, если бы не беспокойство за мужа; однако сейчас этого говорить нельзя, Голландец лишь станет агрессивнее.

— Продолжайте, пастор. Пригласите меня в церковь.

— Вы и так знаете, что приглашение всегда остается в силе.

Голландец понурился:

— Она многие годы уговаривала меня. А сейчас единственное, что я хотел бы сделать, это плюнуть в лицо Господа. Шэрон хорошая женщина, лучшая из всех, кого я знал. И если кто заслуживает чуда, так это она. Вот скажите мне, чем Бог помог ей?

— Ее тело умрет, а сама Шэрон — нет. — Пастор заметил боль в глазах мужчины и понял, что тот не готов слушать дальше. — Помочь вам разгрузиться?

— Спасибо, думаю, что сам справлюсь. — Голландец нажал на педаль газа, выругался и поехал по переулку.

Ребенок наконец выскочил из ее тела, теплый и скользкий, и молодая женщина вздохнула с облегчением: железный обруч боли, сжимавший тело, исчез. Еще тяжело дыша, она смотрела между металлических опор на усеянное звездами небо.

Младенец, лежавший на темной влажной земле, казался ей очень бледным в ярком свете луны и очень красивым. Было еще

слишком темно, чтобы разглядеть, мальчик это или девочка, хотя какая разница?

Тело женщины горело, она стянула с себя тонкий свитер и прикрыла малыша.

Задул холодный ветер. Зик поднял воротник куртки и направился к больнице Доброго самаритянина. На ум неожиданно пришел мост, но он был в противоположной стороне. В летние месяцы Зик часто проходил через парк Риверфронт, особенно когда лагерь был переполнен туристами, разбивавшими палатки на прилегающей площадке.

В это время года там не должно быть никого, с каждым днем становится все холоднее, опадает листва.

Тьма начинала отступать, но до рассвета еще оставалось время. Ему давно пора поворачивать домой, но почему-то в голове засел этот мост. Зик развернулся и направился в сторону моста и парка Риверфронт.

Пастор подышал на пальцы. Нужно было надеть перчатки сегодня. Он остановился на углу, раздумывая, то ли отправиться к мосту, то ли вернуться домой. Он всегда принимал душ и брился перед завтраком с Марианн и Джошуа. Если пойти к мосту, он обязательно опоздает домой.

Но он чувствовал острую необходимость. Кому-то нужна его помощь. До моста всего десять минут пешком, а если ускорить шаг, то и того меньше. Он все равно не успокоится, пока не посмотрит, что там.

Молодую женщину трясло, она подняла стекло в машине, прекрасно понимая, что никогда не сможет освободиться от чувства вины и сожалений, и дрожащей рукой повернула ключ зажигания. Ей хотелось скорее уехать из этого места. Хотелось закрыть голову руками и забыть все, что случилось, все, что она натворила.

Поворачивая рулевое колесо, она слишком сильно надавила на газ. Автомобиль занесло в сторону, и она ощутила скачок адреналина в крови. Женщина быстро выровняла машину, а из-под колес

брызнул гравий, словно пули. Она сбавила скорость и повернула направо в сторону главной дороги, глядя прямо вперед сквозь пелену слез. Она поедет на север и найдет дешевый мотель. А потом придумает, как убить себя.

Над песчаным берегом и под мостом пронесся порыв ветра. Лишенный тепла материнского тела, брошенный ребенок ощутил пронизывающий холод этого мира. Сначала он тихонько захныкал, потом жалобно заплакал во весь голос. Его плач разносился над рекой, но в домах на берегу не зажегся свет.

Над деревьями высились стальные фермы моста. Зик перешел старую прибрежную дорогу и пошел по мосту. Он остановился где-то посередине и перегнулся через перила. Внизу бежала река. Несколько дней тому назад прошел дождь, после него берег стал гладким и твердым. Никого не было вокруг.

Почему я здесь, Господи?

Зик выпрямился, он никак не мог успокоиться. Подождал еще немного и повернул назад. Пора идти домой.

Сквозь обычные звуки реки он уловил тихое мяуканье. Что это такое? Ухватившись за перила, он наклонился, вглядываясь в тени под мостом. Звук повторился. Пастор быстро перешел мост, затем газон и вышел на парковку. Котенок? Люди нередко бросали у воды нежеланный приплод.

Зик снова услышал тот же звук, на этот раз он понял, что это такое. Так плакал Джошуа, когда был маленьким. *Ребенок, здесь?* С сильно бьющимся сердцем он вглядывался в тени под мостом. А вот и отпечатки ног. Он спустился к воде и пошел по следам на песке, затем вошел под мост, под ногами зашуршал гравий.

Пастор снова услышал плач, на этот раз тише, зато так близко, что он стал очень внимательно смотреть себе под ноги. Он нахмурился и присел на корточки, заметив брошенный свитер, и осторожно приподнял его.

— О, Господи... — Ребенок лежал неподвижно, такой маленький, весь белый, пастор даже подумал, что нашел его слишком поздно. Девочка. Зик подsunул руки под тельце. Она почти ничего не весила. Он поднял ее, положив на сгиб руки, малышка раскинула

ручки, словно крылья птички, собравшейся взлететь, и издала дрожащий плач.

Зик вскочил на ноги и распахнул куртку, затем расстегнул рубашку и прижал ребенка к телу. Он подышал ей в личико, стараясь согреть:

— Кричи, милая; кричи как можно громче. Сейчас ты должна держаться за свою жизнь. Слышишь?

Зик знал все переулки и проходы в городе, поэтому оказался в больнице Доброго самаритянина еще до восхода солнца.

Зик вернулся в больницу в середине дня, чтобы навестить Шэрон. Голландец сидел у нее, вид у него был усталый и потрепанный. Муж держал хрупкую руку жены между ладонями и молчал. Зик поговорил с ними обоими. Когда Шэрон протянула ему руку, он взял ее и помолился за нее и за Голландца.

Но он не мог уйти, не заглянув в детское отделение. У стеклянной перегородки он застал Марианн, что его не удивило, жена обнимала за плечи их пятилетнего сына Джошуа. Пастор ощутил в душе нежность и гордость за них. У их сына были еще неловкие ручки, очень длинные тонкие ножки с костлявыми коленками и крупными ступнями.

Джошуа прижал ладони к стеклу:

— Она такая маленькая, папа. Я тоже был таким маленьким? — Крошечная девочка крепко спала в маленькой больничной кроватке.

— Нет, сынок. Ты весил добрых девять фунтов. — Пастора обеспокоило выражение лица Марианн. Он взял ее за руку: — Нам пора домой, милая.

— Слава Господу, ты нашел ее, Зик. Что бы стало с ней, если бы не ты? — Марианн посмотрела на него: — Мы должны ее удочерить.

— Ты же знаешь, что мы не можем. Ей найдут родителей. — Он попробовал увести ее. Однако женщина не сдвинулась с места.

— Но кто же будет лучше, чем мы?

Джошуа поддержал мать:

— Ты же нашел ее, папа. Кто нашел, тому и забирать.

— Она не монетка, сынок, подобранная на дороге. Ей нужна семья.

— А мы и есть семья.

— Ты знаешь, что я имею в виду. — Он погладил Марианн по щеке. — Ты уже забыла, как это сложно — заботиться о новорожденном.

— Как раз этим я и хочу заняться, Зик. Действительно. Почему она не может стать нашей дочерью? — Жена сделала шаг назад. — Пожалуйста, не смотри на меня так. Я сильнее, чем ты думаешь. — На ее глаза навернулись слезы, и она отвернулась. — Только посмотри на нее. Неужели у тебя не разрывается сердце?

Зик посмотрел, и его сердце смягчилось. Но нельзя поддаваться эмоциям, нужно оставаться реалистом.

— Нам пора идти.

Мариан сжала его руку:

— Чистое и непорочное благочестие пред Богом проявляется в заботе о вдовах и сиротах*.

— Не нужно использовать Священное Писание против меня, ведь я пытаюсь защитить тебя.

Джошуа посмотрел на него:

— Защитить от чего, папа?

— Ни от чего. — Марианн предупреждающе посмотрела на Зика. — Просто твой папа вбил это себе в голову еще давно. Он смиритсЯ. Господь отдал девочку тебе в руки, Зик. Только не спорь со мной. — Марианн выразительно посмотрела ему в глаза. — У нас есть мальчик. Маленькая девочка — это же идеально. Разве я не права?

Конечно, права. Марианн всегда хотела иметь больше детей, но врач предупредил их, что ее сердце, пострадавшее от острого ревматического артрита, перенесенного в детстве, не сможет выдерживать еще одну беременность.

Зик почувствовал, как его решимость тает.

— Марианн, прошу тебя. Остановись. — Она несколько месяцев оправлялась от родов. Забота о новорожденной может оказаться тяжелым испытанием для нее.

* См.: Иак. 1:27. — *Примеч. ред.*

— Мы станем ее приемными родителями. Давай возьмем ее к себе, как только будет можно. Но если это чересчур... — На ее глазах снова выступили слезы. — Прошу тебя, Зик.

Через десять дней доктор Рубинштейн выписал маленькую Джейн Доу* и передал ее в руки Марианн:

— Вы будете прекрасными приемными родителями.

Зик начал беспокоиться уже после первых трех ночей. Марианн приходилось вставать каждые два часа, чтобы кормить ребенка. Сколько времени она сможет это выдерживать? Хотя Марианн страшно выматывалась, она буквально светилась счастьем. Сидя в кресле-качалке, она держала девочку на руках и поила теплым молоком.

— Ей нужно дать настоящее имя, Зик. Имя, исполненное надежды.

— Абра** — мать народов. — Зик выпалил ответ, не раздумывая. Марианн рассмеялась:

— Ты ведь хотел ее удочерить с самого начала, верно? И не при-
творяйся, что это не так.

Как же он мог не хотеть этого? Но страх не проходил.

— Мы приемные родители, Марианн. Не забывай этого. Если тебе станет слишком тяжело, мы вызовем социального работника. И тогда нам придется вернуть Абру.

— Вернуть кому? Работник социальной службы, конечно, постарается найти кого-нибудь. Но я не думаю, что кто-то в городе заберет у нас Абру сейчас. Ты не согласен?

Питер Мэтьюс, учитель местной начальной школы и его жена Присцилла вначале проявили интерес, но поскольку у них свой маленький ребенок, они согласились, что Абра должна остаться у Фриманов, если они сумеют справиться.

Марианн отставила пустую бутылочку и прижала к себе Абру:

* Джейн Доу — условное имя, используемое в юридических документах для обозначения неизвестной или неустановленной особы женского пола. — *Примеч. ред.*

** Абра — от Абрахам, *библ.* Авраам — отец множества народов. — *Примеч. ред.*

— Нам нужно подкопить денег, чтобы пристроить еще одну спальню. Абра вырастет очень быстро. Сначала будет спать в детской кроватке, а потом ей понадобится обычная. И нужна будет отдельная комната для нее.

Спорить с ней было бесполезно. Все материнские инстинкты пробудились в ней, но каждый прошедший день истощал ее силы. Ей удавалось прилечь днем, и это помогало, однако сон урывками не позволит ей сохранить здоровье. Она уже ходила растрепанной, лицо обрело сероватый оттенок, вокруг глаз появились темные круги.

— Завтра утром поспишь, я возьму ее с собой.

— Гулять в темноте?

— Уличного освещения вполне достаточно, и я знаю город как свои пять пальцев.

— Она замерзнет.

— Я ее укутаю. — Он сложил одеяло треугольником, забрал у Марианн Абру и привязал конструкцию вокруг своей талии и за шею, затем выпрямился. — Видишь? Тепло, светло и мухи не кусают. — К тому же рядом с его сердцем, где она поселилась, когда он впервые взял девочку на руки.

Иногда Абра капризничала, когда он брал ее на утренние прогулки, тогда он пел ей гимны: «Я прихожу в сад один, в час, когда на розах еще блестит роса...» Тогда она засыпала ненадолго, но начинала шевелиться, как только Зик останавливался в ресторанчике «У Эдди» или начинал разговаривать с Голландцем.

— Вы хорошо придумали брать с собой малышку. Она такая забавная, с рыжими волосиками. — Эдди погладил Абру по щеке кончиком пальца.

Даже угрюмый Голландец улыбнулся, высунувшись из окна своего грузовика, чтобы взглянуть на девочку:

— Она похожа на маленького ангела. — Он откинулся на сиденье. — Мы с Шэрон всегда хотели иметь детей. — Он произнес эти слова как еще один упрек Богу. Шэрон умерла, и Зик знал, что мужчина скорбит. Когда крошечные пальчики Абры сжали мизинец Голландца, тот был готов расплакаться. — Кто мог оставить младенца под мостом? Как удачно, что вы оказались рядом.

— Я оказался там не случайно в то утро.

— Как это? — Невыключенный мотор грузовика негромко урчал.

— Я вдруг почувствовал, что должен идти. Иногда Господь так делает.

Лицо Голландца страдальчески исказилось.

— Ладно, не стану спорить. Совершенно очевидно, что малышке требовалась помощь, иначе она бы умерла и ее давно бы похоронили. — «Как Шэрон», — говорили его глаза.

— Если захотите поговорить, Голландец, просто заходите.

— Лучше откажитесь от меня.

— Шэрон не отказывалась, почему же я вдруг откажусь?

Абра быстро подрастала, теперь промежутки между кормлениями стали длиннее, и Марианн могла больше спать. Но Зик по-прежнему брал Абра с собой на утренний обход.

— Я буду это делать, пока она не начнет спать всю ночь. — Каждое утро, проснувшись раньше звонка будильника, Зик заглядывал в детскую. Абра уже не спала и поджидала его.

1941

Даже простые потребности ребенка могут выматывать, Зик замечал, что Марианн приходится нелегко.

Однажды он зашел домой днем и обнаружил, что Марианн спит на диване, а Абра, которой уже исполнилось четыре годика, купает свою куклу в унитазе. Тогда Зик понял, что надо что-то менять в их жизни.

— Ты переутомилась.

— Абра может сотворить что-нибудь так неожиданно, что не успеешь сказать «мама».

— Ты не можешь продолжать так жить и дальше, Марианн.

Прихожане тоже стали замечать, что Марианн выглядит усталой, и выражали свою озабоченность. После воскресной службы Присцилла Мэтьюс подошла к ним поговорить. Ее муж установил ограждение в гостиной, чтобы их четырехлетняя дочь, Пенни, не могла выходить из комнаты самостоятельно.

— Теперь вся комната — большой манеж, Марианн. Я смирилась и убрала из гостиной все, что может разбиться. Почему бы Зи-

ку не приводить Абру к нам раза два в неделю? И тогда ты сможешь спокойно отдохнуть несколько часов.

Марианн стала возражать, но Зик признал, что это замечательный выход для них.

Зик купил доски, гвозди, рубероид и черепицу, он решил сделать пристройку в задней части дома под спальню. Девятилетний Джошуа садился на доски, чтобы Зик мог их распиливать. Один прихожанин сделал им проводку для освещения, другой соорудил кровать с выдвигаемыми ящиками и помог Зику вставить окна.

Зику вовсе не нравилась идея поселить сына в узкой комнатухе, переделанной из крыльца, но Джошуа принял свою «крепость» с восторгом. Его лучший друг, Дейв Аптон, оставался у него на ночь, но им было слишком тесно; в конце концов, Зик установил для них палатку на заднем дворе. Вернувшись в дом, он рухнул в свое кресло:

— Крепость слишком мала.

Марианн улыбнулась, Абра сидела в кресле рядом с ней, на коленях жены лежала раскрытая книжка с библейскими рассказами.

— Не слышала, чтобы Джошуа жаловался. По-моему, мальчишки счастливы, как вороны в кукурузе, Зик.

— Это пока. Если Джошуа пошел в отца и своих дядей из Айовы, он перерастет свою комнатуху уже в средней школе.

Зик включил радио и принялся просматривать почту. По радио передавали только плохие новости. Амбиции Гитлера росли с каждым днем. Неумеренно честолюбивый фюрер продолжал отправлять самолеты через Ла-Манш, чтобы бомбить Англию, а его наземные войска перешли границу России на востоке. Чарлз Лидиксон, местный банкир, говорил, что вступление в войну Америки лишь вопрос времени. Атлантический океан не защитит их, германские подводные лодки рыщут повсюду, они готовы топить любые суда.

Зик поблагодарил Господа, что Джошуа всего девять лет, но тотчас почувствовал себя виноватым, потому что у многих отцов сыновья могут скоро отправиться на войну.

Марианн закончила чтение рассказа о Давиде и Голиафе и прижала дочурку к себе. Девочка совсем засыпала, а Марианн страшно

устала и не хотела подниматься с кресла. Когда же она попыталась встать, Зик остановил ее:

— Давай я уложу. — Он забрал Абру. Девочка безвольно повисла у него на шее, положив головку на плечо, при этом она сосала палец.

Зик откинул одеяло, уложил девочку и подоткнул одеяло со всех сторон, затем склонил голову для молитвы. Абра сложила ладошки, а он обнял ее.

— Отче наш, сущий на небесах... — Когда они закончили молитву, Зик наклонился и поцеловал дочку: — Спокойной ночи.

Девочка обхватила его руками за шею, прежде чем он смог подняться:

— Я люблю тебя, папа.

Он сказал, что тоже ее любит. Поцеловал в обе щежки и в лоб и только потом вышел из спальни.

Марианн совсем сникла. Зик нахмурился. Она покачала головой, вяло улыбаясь:

— Я в порядке, Зик. Просто устала. Думаю, крепкий сон — это все, что мне нужно.

Зик понял, что это неправда, когда увидел, как она поднимается, слегка покачиваясь. Он подхватил ее на руки и отнес на кровать, а там присел, устроив ее у себя на коленях:

— Я иду за врачом.

— Я знаю, что он скажет. — Марианн расплакалась.

— Нам пора менять наши планы. — Он не решился сказать ей правду прямо, но она и так поняла, что он имеет в виду.

— Я не отдам Абру.

— Марианн...

— Я нужна ей.

— Ты нужна *мне*.

— Ты сам любишь ее не меньше меня, Зик. Как ты можешь вообще говорить о том, чтобы отдать ее?

— Нам не следовало забирать ее с самого начала.

Зик покачал жену, потом помог снять домашнее платье и уложил в постель. Он поцеловал ее и выключил свет, прежде чем закрыть за собой дверь.

Выходя, пастор чуть не споткнулся об Абру, которая сидела, скрестив ноги прямо в коридоре, она прижимала к груди своего плю-

шевого медведя, а палец по-прежнему был во рту. У него тотчас возникло неприятное подозрение. Много ли она услышала из сказанного?

Он взял ее на руки:

— Ты должна сейчас быть в постели, малышка. — Уложив ее снова, Зик легонько щелкнул ее по носу. — На этот раз не вылезай. — Он поцеловал ее. — Спи.

Пастор опустилсЯ в свое кресло в гостиной и обхватил голову руками. *Я что-то неверно понял, Господи? Неужели я поддался на уговоры Марианн, а это не соответствовало Твоему замыслу в отношении Абры? Ты ведь знаешь, как сильно я люблю их обеих. Что же мне теперь делать, Господи? Господи, что мне делать?*

Абра дрожала от холода на передней скамье в церкви, пока мама репетировала гимны на пианино; несмотря на то что папа затопил печку, тепло будет только к завтрашней утренней службе. Мици сказала, что пока нет хорошего отопления, в церкви пахнет сыростью и плесенью, словно на кладбище. Абра ответила, что не знает, чем пахнет на кладбище, а Мици добавила: «Не смотри на меня так, юная мисс. Я снова появлюсь здесь только разве в сосновом ящике».

Дождь барабанил по крыше и по окнам. Папа просматривал свои записи для проповеди в небольшом кабинете за пределами притвора. Джошуа надел свою скаутскую форму и отправился продавать рождественские елки на городской площади. До Рождества оставалось меньше трех недель. Абра слушала, что играет мама, и вспоминала, как она помогала ей выпекать пряники для больницы и расставлять на каминной полке фигурки, представляющие сцену рождения Иисуса Христа. Папа и Джошуа к тому времени развесили фонарики вокруг дома. Абре нравилось выходить за калитку после ужина и любоваться освещенным домом.

Мама захлопнула сборник церковных гимнов и отложила его в сторону, затем встала:

— Что ж, милая. Садись на мое место. Твоя очередь репетировать.

Абра вскочила со скамьи и взлетела по ступенькам к пианино. Мама чуть приподняла ее и сразу опустила, ей пришлось тяжело

опереться рукой о пианино, а вторую руку она прижала к груди. Она с трудом вздохнула, потом ободряюще улыбнулась и поставила вместо гимнов ноты для начинающих.

— Сначала сыграй гаммы, а потом «Тихую ночь». Сможешь?

Обычно мама стояла с ней рядом. Кроме тех случаев, когда неважно себя чувствовала.

Абра обожала играть на пианино. Это было ее любимое занятие. Она играла гаммы, аккорды, хотя ей было непросто доставать до всех нужных клавиш одновременно. Она репетировала «Тихую ночь», «О, городок Вифлеем» и «Там в яслях». И каждый раз, когда она заканчивала исполнять песню, мама говорила, что она отлично играет, тогда девочка ощущала прилив тепла внутри.

В храм вошел папа:

— По-моему, пора идти домой. — Он обнял маму за плечи и поднял на ноги. Разочарованная, Абра закрыла крышку пианино и пошла за ними к машине. Мама извинилась за то, что так сильно устала, а папа ответил, что после того как она отдохнет несколько часов, все будет в порядке.

Мама стала возражать, когда папа поднял ее на руки, чтобы занести в дом. Он посидел с ней несколько минут в спальне. Затем вышел в гостиную:

— Не шуми, Абра, пусть Марианн немного поспит. — Как только папа вышел и снова сел в машину, Абра прошла в их с мамой спальню и забралась в кровать.

— Моя девочка пришла, — сказала мама, прижимая ее к себе.

— Ты снова заболела?

— Ш-ш-ш. Я не болею. Просто очень устала. — Она уснула, а Абра лежала с ней, пока не услышала, что подъехала машина отца. Тогда она соскользнула с кровати и выбежала в гостиную, чтобы посмотреть в окно. Папа отвязывал рождественскую елку, которая лежала на крыше его старенького серого автомобиля.

Абра завизжала от восторга, распахнула входную дверь и сбежала по ступенькам. Она принялась скакать и хлопать в ладоши:

— Такая большая!

Через черный вход вошел Джошуа, его щеки пылали от мороза, а глаза сияли. Распродажа елок прошла отлично. Если их отряд сумеет собрать достаточно денег в этом году, они все поедут в лагерь

возле Йосемити*. Если же денег будет недостаточно, Джошуа уже договорился с соседями, что они наймут его подстригать газоны.

— Они согласились платить мне пятьдесят центов в неделю. Если умножить на двоих, получается четыре доллара в месяц! — Для него это были большие деньги. — Тогда я сам смогу заработать на лагерь.

После ужина мама взялась мыть посуду, чтобы папа мог заняться елкой. Он распутал гирлянду огоньков, повесил ее на елку и включил, еще не открыв коробку с игрушками. Потом достал елочные украшения и стал передавать их по одному Джошуа и Абре, а те их развешивали.

— Ты, сынок, украшаешь верхние ветки, а Абра — нижнюю половину, — сказал Зик.

Что-то разбилось за стеной, от неожиданности Абра уронила стеклянный шар, а папа вскочил на ноги и бросился на кухню:

— Марианн? Что случилось? Ты в порядке?

Дрожащая Абра наклонилась, чтобы собрать осколки разбитого украшения, но Джошуа остановил ее:

— Осторожно. Дай я уберу. Ты можешь порезаться. — Девочка расплакалась, а брат прижал ее к себе: — Все хорошо. Не плачь.

Абра прижималась к Джошуа, ее сердце тяжело колотилось, она слушала, как спорят папа и мама. Они старались разговаривать тихо, но Абра все равно их слышала. Вот кто-то подметает, затем что-то падает в мусорное ведро под раковиной. Распахнулась дверь, и вошла мама, ее улыбка сразу погасла.

— Что случилось?

— Она разбила украшение.

Папа взял Аbru на руки:

— Ты порезалась? — Девочка отрицательно покачала головой. Папа погладил ее по спине. — Тогда и плакать не о чем. — Он прижал ее к себе, затем опустил на пол: — Вы двое продолжаете украшать елку, а я займусь камином.

Мама включила радио и нашла музыкальную программу. Затем она устроилась в своем кресле и достала корзину для вязания. Абра забралась на стул с ней рядом. Мама поцеловала ее в макушку:

— Ты больше не хочешь украшать елку?

* Йосемити — национальный парк в штате Калифорния. — *Примеч. пер.*

— Я хочу посидеть с тобой.

Папа, который раскладывал в камине растопку, посмотрел на них через плечо. И взгляд его был печален.

Воскресенье выдалось холодным, однако дожди прекратились. Супружеские пары с детьми собрались в зале для встреч, они привели своих детей на занятия в воскресной школе, чтобы самим отправиться во «взрослую церковь». Абра заметила Пенни Мэтьюс и побежала к ней впереди мамы. Девочки взялись за руки и отправились на занятия.

После воскресной школы миссис Мэтьюс пришла и забрала Пенни. Мама помогла Мици помыть и вытереть тарелки из-под печенья. Папа разговаривал с задержавшимися гостями. Когда ушел последний прихожанин, семья прошла в храм. Мама аккуратно сложила сборники церковных гимнов, собрала разбросанные бумаги. Папа убрал блестящие бронзовые подсвечники и блюда для сбора пожертвований. Абра села за пианино, она болтала ногами и играла аккорды.

Вдруг распахнулась входная дверь, и внутрь вбежал человек. Мама выпрямилась и прижала руку к груди:

— Клайд Эйзенхауэр, в чем дело? Вы перепугали меня до полу-смерти.

Мужчина запыхался и явно был расстроен:

— Японцы бомбили нашу военно-морскую базу на Гавайях!

Как только они вернулись домой, папа включил радио. Он снял пиджак и повесил его на спинку кухонного стула, вместо того чтобы отнести его в шкаф, как обычно. *«Японцы атаковали Пёрл-Харбор, как объявил президент Рузвельт. Атаковали также все военно-морские и военные объекты на острове Оаху...»* Голос диктора был встревоженным.

Мама опустила на стул. Папа закрыл глаза и склонил голову:

— Я знал, что это произойдет.

Мама усадила Абру на колени и молчала, слушая голос, который все рассказывал и рассказывал о бомбардировках, о затонувших кораблях и заживо сгоревших людях. Мама заплакала, вслед за ней и Абра. Мама прижала девочку к себе и стала тихонько качать ее:

— Все хорошо, детка. Все хорошо.
Но Абра знала, что это не так.

Мици открыла дверь с благодушной улыбкой:

— Неужели пришла моя любимая девочка! — Она закинула конец шали за спину и раскинула руки, затем, смеясь, обняла Абру и повернулась к Марианн: — Сколько времени она пробудет у меня на этот раз?

— Сколько вы пожелаете, — ответила мама, проходя вслед за хозяйкой в гостиную.

Абра любила бывать у Мици. В ее гостиной было множество безделушек, и она разрешала Абре их брать и рассматривать. Иногда Мици готовила кофе и даже наливала чашечку для Абры, разрешала добавить сливок и столько сахара, сколько она хотела.

Мици явно была озабочена:

— Ты выглядишь страшно усталой, Марианн.

— Я сейчас отправлюсь домой и как следует выплюсь.

— Обязательно поспи, дорогая. — Мици поцеловала ее в щеку. — Не загоняй себя так сильно.

Мама наклонилась и обняла Абру. Она поцеловала ее в обе щеки и погладила по головке:

— Веди себя хорошо, детка.

— Иди осмотришься, — велела Мици Абре. Мици проводила маму к входной двери, они поговорили еще несколько минут, тем временем Абра пока расхаживала по гостиной, разыскивая свою любимую фигурку — блестящего фарфорового лебедя с уродливым утенком рядом. Она обнаружила ее на угловом столике под боа из перьев.

Мици вернулась в гостиную:

— Ты быстро ее нашла. — Она поставила фигурку на каминную полку. — В следующий раз спрячу получше. — Женщина потерла ладони одну о другую и переплела пальцы, щелкая суставами. — Не хочешь побренчать на пианино? — Она плюхнулась на табурет перед инструментом и сыграла жизнерадостную мелодию. — Когда научишься играть Баха и Бетховена, Шопена и Моцарта, я покажу тебе, как играют веселые мелодии. — Ее руки летали над клавишами. Затем она отодвинула табурет и продолжила играть стоя, выставя

вперед то одну ногу, то другую, причем довольно неуклюже. Абра смеялась и делала, как она.

Мици выпрямилась.

— Это мы немного пошутили, — она снова забросила конец шали через плечо и вскинула подбородок, — а теперь мы должны быть серьезными. — Она отступила от инструмента и махнула рукой Абре, приглашая занять свое место. Улыбаясь, Абра села, а Мици поставила перед ней ноты. — Сегодня у нас Бетховен, немного упрощенный.

Абра играла, пока часы на камине не пробили четыре часа. Мици сверилась с наручными часами и предложила:

— Хочешь поиграть в переодевание? Мне нужно нанести визит. Абра соскользнула со стула:

— Можно мне посмотреть ваши украшения?

— Конечно, можно, детка. — Мици махнула в сторону спальни. — Посмотри в шкафу; и в ящиках тоже. Можешь примерять, что захочешь.

Абра обнаружила настоящее сокровище — сверкающие безделушки и бусы. Она надела пару сережек со стразами и бусы из красного стекла. Потом добавила еще нитку жемчуга и черные бусы. Ей очень нравилось ощущать их тяжесть на шее, затем она воспользовалась карандашом Мици для бровей и выбрала самую темную помаду из груды маленьких тюбиков. Открыв рот, она принялась красить губы, подражая одной женщине, которую она видела в туалете в церкви. Абра порылась в косметике и напудрила щеки, кашляя от мелкой ароматной пыли, поднявшейся клубом вокруг нее.

— У тебя все хорошо? — крикнула Мици из другой комнаты.

Обмахиваясь руками, Абра ответила, что все отлично, а сама направилась к встроенному шкафу. Она надела шляпу с широкими полями и большим красным бантом и добавила к ней черную шаль с вышитыми цветами и длинной бахромой. У Мици было море обуви. Абра расшнуровала свои полуботинки и сунула ноги в красные туфли на высоком каблуке.

— О, Боже! — Мици подскочила к девочке и схватила ее за руку. — Пастор Зик уже идет за тобой. Я должна отмыть тебя до его прихода. — Она со смехом стянула с Абры шляпу и ловким движением зашвырнула ее в шкаф, затем развязала шаль: — Мне подарил

ее один поклонник, когда я пела в кабаре в Париже лет сто пятьдесят тому назад.

— А что такое кабаре?

— Не бери в голову. — Мици швырнула шаль на розовое ворсистое покрывало. — А эти старые бусы! Ничего себе. Сколько же ты надела? Удивительно, что ты еще можешь держаться на ногах. Теперь пойдем. В ванную. — Она намазала лицо девочки холодным кремом, затем стерла его. И рассмеялась: — Ты похожа на маленького клоуна с черными бровями и красными губами. — Она снова засмеялась и принялась тереть щеки Абры, пока не защищало кожу.

Раздался звонок в дверь.

— Что ж, мы сделали, что смогли. — Мици отбросила мочалку, поправила платье Абры, пригладила волосы и похлопала по щеке. — Отлично выглядишь, крошка. — Она взяла девочку за руку и повела в гостиную. — Жди здесь. — А сама прошла к двери и спокойно открыла ее: — Заходите, пастор Зик.

Папа бросил на Абру один только взгляд, высоко поднял брови, возвел глаза к потолку и скривил губы, искоса глядя на Мици.

Мици сцепила руки за спиной и улыбнулась с самым невинным видом.

— Это моя вина, Зик. — Она усмехнулась. — Я разрешила ей брать все что захочет в моей комнате, пока я ходила к Марианн. Я совсем забыла, что для нее здесь полно искушений. Марианн так устала, я обещала ей позвонить вам. Никак не думала, что вы придете до пяти.

Папа протянул девочке руку:

— Нам пора, Абра.

Мама спала на диване. Она проснулась, но папа велел ей не вставать, сказав, что сам приготовит ужин. Он разрешил Абре поиграть, но без шума. С заднего входа зашел Джошуа и о чем-то переговорил с папой. Зазвонил телефон. Но папа не подошел, что случилось впервые за всю жизнь Абры.

Когда они все сели ужинать, мама выглядела лучше. Папа прочел благословение. Они поговорили о прошедшем дне. Джошуа убрал со стола и вымыл посуду. Абра попыталась помочь ему, но он прогнал девочку:

— Без тебя я вымою быстрее.

Мама рано отправилась спать. Папа ушел к ней, как только уложился спать Абру. Девочка не спала, она прислушивалась к тихим голосам. В конце концов она уснула.

Абра проснулась в темноте и услышала, как хлопнула входная дверь. Папа ушел на утреннюю молитву. Она помнила, как он брал ее на свой обход, и пожалела, что больше этого не происходит.

Когда папа уходил, в доме становилось холодно и темно, даже если мама находилась в соседней комнате, а Джошуа в своей крепости. Абра откинула одеяло и на цыпочках прошла в спальню мамы и папы. Мама зашевелилась и подняла голову:

— В чем дело, детка?

— Мне страшно.

Мама приподняла одеяло, Абра вскарабкалась на кровать и заползла под одеяло. Мама обняла ее, поправила одеяло и прижала девочку к себе. Абра наслаждалась теплом и начала засыпать. Она проснулась, когда мама издала странный звук, похожий на тихий стон, и прошептала: «Только не сейчас, Господи. Пожалуйста. Не сейчас». Мама снова застонала, ее тело напряглось. Она перекатилась на спину.

Абра повернулась к ней:

— Мама?

— Спи, маленькая. Засыпай снова. — Голос мамы срывался, словно она говорила со стиснутыми зубами. Потом она всхлипнула, глубоко вздохнула и расслабилась.

— Мама? — Не получив ответа, Абра крепче прижалась к ней и свернулась клубочком.

Абра резко проснулась — холодные сильные руки подняли ее из постели.

— Отправляйся в свою кровать, Абра, — прошептал папа. Девочка задрожала от холодного воздуха. Обхватив себя руками, она направилась к двери, все время оглядываясь.

Папа обошел кровать.

— Решила еще поспать? — Он сказал это тихим ласковым голосом и наклонился, чтобы поцеловать маму. — Марианн? — Он

выпрямился и включил свет. Еще раз позвал ее хриплым голосом, сдернул одеяло и взял на руки.

Мама повисла на его руках словно тряпичная кукла, ее рот и глаза были открыты.

Папа присел на кровать и принялся качать ее, рыдая:

— О, Господи, нет... нет... нет!

*Господь дал, Господь и взял;
да будет имя Господне благословенно!*

Иов 1:21

Джошуа сидел в первом ряду церкви и смотрел сквозь слезы на отца. Рядом с ним сидела Абра, неподвижная, словно статуя, по ее бледным щекам струились слезы. Брат взял ее за руку, а девочка сжала его ладонь ледяными пальцами. Все скамьи в церкви были заполнены людьми, некоторые тихонько плакали. У отца сорвался голос, Джошуа вздрогнул, слезы покатились из глаз. Отец некоторое время стоял молча, опустив голову. Кто-то всхлипнул, Джошуа не понял, то ли он сам, то ли Абра.

Мистер и миссис Мэтьюс, сидевшие прямо за ними, перешли на их скамью и сели с двух сторон. Пенни втиснулась между своей матерью и Аброй и взяла подругу за руку. Мистер Мэтьюс обнял Джошуа за плечи.

Папа медленно поднял голову и посмотрел на них:

— Очень трудно прощаться с кем-то, кто тебе дорог, даже если знаешь, что мы встретимся снова. Марианн была замечательной женой и матерью.

Он говорил о том, что они знали друг друга с детства, когда еще жили на ферме в Айове. И рассказал, какими молодыми, бедными и счастливыми они были, когда поженились. Он заговорил о семье мамы, которую Джошуа не знал, потому что они жили слишком далеко. Однако родители мамы прислали венок из цветов.

Голос папы становился все тише, он говорил все медленнее:

— Если кто-то хочет что-то сказать или поделиться воспоминаниями о Марианн, прошу вас.

Люди вставали один за другим. У мамы было много друзей, все они очень хорошо о ней говорили. Одна дама сказала, что Марианн была воином молитвы. Другая сказала, что она была святой. Несколько пожилых прихожан рассказали, что она не раз заходила к ним с запеканкой и домашними пирогами. «И она приводила с собой маленькую девочку. Это так поднимало мне дух». Молодая мать с ребенком на руках сказала, что Марианн всегда находила возможность помянуть Господа в их беседах.

Паства вдруг смолкла. Никто не двигался. Поднялась Мици. Ее сын, Ходж Мартин, что-то тихо сказал ей, но она протиснулась мимо него к проходу и направилась к алтарю. По пути она высморкалась в платочек и засунула его в рукав свитера. Она поднялась на три ступеньки и села за пианино. Мици улыбнулась папе, который еще стоял за кафедрой:

— Теперь моя очередь, Зик.

Папа кивнул.

Мици посмотрела на Джошуа, затем перевела взгляд на Абру:

— Когда Марианн впервые привела Абру на урок музыки, я удивилась, почему она сама не учит ее. Мы все знаем, как хорошо она играла. Марианн призналась, что никогда не училась играть что-то, кроме гимнов, а она хотела, чтобы Абра могла играть любую музыку. Я спросила, чему она хочет научить Абру, и Марианн меня удивила. «Поставьте ей руки», — сказала она.

Мици подняла глаза к небу:

— А это я играю для вас, милая. Надеюсь, вы сейчас танцуете на небесах.

Она несколько раз притопнула ногой, подбирая ритм, и заиграла «Кленовый лист»*. Ходж Мартин закрыл лицо руками. Некоторые из присутствующих были шокированы, но папа засмеялся. Джошуа тоже смеялся, вытирая слезы. Когда Мици закончила, она посмотрела на папу, и ее лицо смягчилось, она заиграла мамин любимый гимн. Папа закрыл глаза и запел: «...Жив Иисус, с Ним жив и я: смерть отступила навсегда...»

Прихожане присоединялись один за другим, пока не запели все: «Он за меня пошел на смерть и узы смерти разорвал».

* «Кленовый лист» — композиция в стиле рэгтайм. — *Примеч. пер.*

Папа спустился с кафедры, Питер Мэтьюс, одетый в черный костюм, встал, сжал плечо Джошуа и присоединился к несущим гроб. Вся паства поднялась на ноги и продолжала петь: «Он поднимет меня из праха: Иисус — моя надежда и вера». Джошуа взял Абру за руку, и они пошли за папой и мужчинами, несущими маму в гробу к катафалку, припаркованному у тротуара.

Через три недели после похорон мамы машина громко лязгнула, вздрогнула и заглохла прямо на дороге. Папа вышел и заглянул под капот. Абра сидела на переднем сиденьи и ждала. Через несколько минут папа с обеспокоенным видом захлопнул капот и открыл дверцу машины:

— Выходи, Абра. Нам придется идти в школу пешком.

Было холодно, изо рта шел пар, но девочка быстро согрелась, стараясь поспевать за широкими шагами отца. Она совсем не хотела ходить в школу. Она не посещала занятия неделю после похорон мамы, а потом снова пошла. Один из мальчишек принялся дразнить ее плаксой, пока Пенни не велела ему заткнуться. Подруга сказала, что он сам плакал бы, если бы его мама умерла, а он лежал бы с ней рядом, когда это случилось; а Пенни знает это точно — ей рассказала ее мама. На следующий день другая девочка на детской площадке заявила, что у Абры никогда не было мамы, что пастор Зик нашел ее под мостом, где люди топят ненужных котят.

Абра споткнулась и чуть не упала, но папа успел схватить ее за руку.

— Можно, я пойду с тобой в церковь?

— Ты должна идти в школу.

У нее болели ноги, а до школы было еще далеко.

— Нам придется идти домой пешком?

— Возможно. Если устанешь, я возьму тебя на руки.

— А ты можешь понести меня сейчас?

Он поднял ее:

— Но только один квартал. Тебе хватит, чтобы отдохнуть.

Девочка положила голову ему на плечо:

— Я скучаю по маме.

— Я тоже.

Папа пронес ее почти до самой школы, а там присел на корточки и обнял:

— Миссис Мэтьюс заберет тебя и Пенни после школы сегодня днем. А я приду за тобой в пять пятнадцать.

У девочки задрожали губы.

— Я хочу домой.

— Не спорь, Абра. — Он поцеловал ее в щеку. — Я должен делать то, что лучше для тебя, и неважно, нравится нам это или нет. — Девочка расплакалась, а папа прижал ее к себе: — Пожалуйста, не плачь. — У него самого в голосе слышались слезы. — Все и так плохо, не хватало только, чтобы ты плакала все время. — Он провел кончиком пальца по ее носу и приподнял за подбородок. — Иди в свой класс.

Когда занятия закончились, миссис Мэтьюс уже стояла за дверями их класса и разговаривала с мамой Робби Остина. У нее был серьезный и озабоченный вид, пока она не увидела их.

— А вот и мои девочки! — Она поцеловала Пенни в щеку, затем и Абру. — Как прошел день? — Пенни говорила без умолку, пока они шли к машине. — Залезайте обе. — Миссис Мэтьюс усадила обеих на переднее сиденье, Абра посередине. Пенни продолжала говорить.

В доме пахло свежее испеченным печеньем. Миссис Мэтьюс накрыла угловой столик на кухне для чая. Абра почувствовала себя лучше.

В комнате у Пенни были кровать с балдахином и розовым пушистым покрывалом, белый комод, на стенах — обои с розово-белыми цветками кизила. Перед окном, выходящим на передний двор, стояла скамейка с мягким сиденьем. Пока Пенни рылась в коробке с игрушками, Абра присела у окна и смотрела на лужайку и белую ограду из штaketника. Она вспомнила розы, обвивающие беседку возле их дома. Мама любила розы. У Абры в горле начал расти ком.

— Давай раскрашивать! — Пенни бросила книжки-раскраски на цветастый ковер и открыла коробку из-под обуви, полную цветных карандашей. Абра присоединилась к ней. Пенни говорила и говорила, а Абра все время прислушивалась к старинным часам внизу, ожидая, когда они пробьют пять. Потом она ждала дверного звонка. Наконец он раздался. Папа пришел за ней, как обещал.

Пенни громко застонала:

— Я не хочу, чтобы ты уходила! Мы так чудесно развлекались! — Она прошла за Аброй в прихожую. — Вот бы ты была моей сестрой. Тогда мы бы играли вместе все время. — Папа и миссис Мэтьюс стояли в дверях и негромко разговаривали.

— Мама? — спросила Пенни плаксивым голосом. — Можно, Абра останется у нас ночевать? *Пожа-а-алуйста?*

— Конечно, можно, но решать пастору Зику.

Пенни повернулась за поддержкой к Абре:

— Мы можем поиграть в китайские шашки и послушать «Семью одного человека»*.

Папа стоял внизу у крыльца со шляпой в руке и смотрел на Абру снизу вверх. У него был усталый вид.

— Но у нее нет пижамы и смены одежды на завтра в школу.

— Это не беда. Они с Пенни носят один размер. У нас даже есть лишние зубные щетки.

— Здорово! — Пенни принялась прыгать от радости. — Пойдем, Абра. Будем играть!

Абра бросилась к отцу, схватила за руку и прижалась к его боку. Она хотела домой. Папа оторвал ее от себя и наклонился:

— Домой идти далеко, Абра. Думаю, тебе лучше остаться здесь на ночь. — Она начала возражать, но папа приложил палец к ее губам: — Так будет лучше.

Зик зашел к Джошуа проверить, как он спит, прежде чем отправиться на утренний обход. Абра три последние ночи оставалась в семье Мэтьюс. Зик запер дверь и положил ключ под цветочный горшок, затем направился по Мейн-стрит. Он пошел на север, прошел весь город, вышел из него и зашагал к городскому кладбищу. Он уже столько раз побывал на могиле Марианн за последние недели, что мог бы найти ее в полной темноте. Белое мраморное надгробие поблескивало в свете полной луны. Сердце пастора ныло, ему очень не хватало Марианн. Обычно каждое утро они разговаривали

* «Семья одного человека» — радиопередача-сериал, выходила в эфир 27 лет с 1933 по 1950 год. — *Примеч. пер.*

на кухне до того, как проснутся дети. И сейчас ему был необходим такой разговор.

Зик сунул руки в карманы:

— Вчера в церковь заходила миссис Уэлч. — Работница социальной службы выразила ему свои соболезнования, прежде чем задать вопросы. Он с трудом сглотнул, пытаясь сдержать слезы: — Прости меня, Марианн, я поступал эгоистично. Прости, что поддался на твои уговоры взять Абру в нашу семью, хотя мы оба знали, что удочерение невозможно из-за твоего здоровья. Я сдался потому, что знал, как сильно ты желаешь второго ребенка. — Он закрыл глаза и покачал головой. — Нет. Неправда. Я сдался, потому что тоже полюбил ее.

Голос изменил ему, и он помолчал несколько секунд.

— Я работаю каждый день, с утра до вечера, Марианн. Ты сама знаешь — так нужно для моего прихода. И я ни в чем не могу преуспеть. Я не сумел защитить тебя. Я плохой отец. Я плохой пастор. Меня поглотила скорбь, меня раздавили беды других людей. — Он грустно рассмеялся: — Хотя я сам сотню раз говорил это людям, переживающим трудные времена, но если кто-то скажет мне сейчас, будто что ни делается, все к лучшему...

Горло сдавило.

— Абре только пять лет. Ей нужна мать. Ей нужен отец, которого не вызывают посреди ночи, когда у кого-то беда. — Простого выхода из ситуации нет. Зик положил руку на земляной холмик: — Сегодня я собираюсь предложить Питеру и Присцилле удочерить Абру. Ты ведь знаешь, они с самого начала хотели ее взять, а после того как тебя не стало, они много раз предлагали мне любую помощь. Я знаю, они с радостью примут ее в свою семью.

Зик проглотил слезы, глядя вдаль:

— Миссис Уэлч уверена, что все получится. Она думает, что Абре будет просто привыкнуть на новом месте. Возможно, я эгоист, но я хочу, чтобы она была рядом, а не где-то в другом городе с совершенно незнакомыми людьми.

Неужели он снова принимает решение, о котором будет сожалеть? Конечно, нельзя сказать, что он сожалеет о тех пяти годах, что Абра провела в их доме. Марианн была счастлива.

— Марианн, ты знаешь, как я люблю ее. Меня убивает необходимость отдать девочку. И я очень хочу надеяться, что поступаю

правильно. — Он сел, его тело сотрясали рыдания. — Она не поймет. — Он вытер слезы. Но они снова потекли по лицу. — Прости меня. Пожалуйста. Прости.

Если миссис Уэлч передумает, Абру все равно заберут и отправят куда-нибудь в другое место. И он не будет знать, где она. Он не сможет наблюдать, как она растет.

Зик пошел по главной дороге. Голландец остановил грузовик возле ворот кладбища, заглушил мотор, открыл окно и поджидал его.

— Как дела, пастор?

— Держусь... С трудом.

— Я знаю, что вы имеете в виду. Залезайте, подвезу вас в город.

Зик забрался на пассажирское сиденье:

— Спасибо.

Голландец повернул ключ зажигания и нажал педаль газа.

— Я тоже приходил на могилу Шэрон и разговаривал с ней — каждый день в течение двух недель, потом через день, потом раз в неделю. А теперь я прихожу в день ее рождения и день нашей свадьбы. Она хотела бы, чтобы я продолжал жить. — Он бросил взгляд на Зика. — Я не сразу сообразил, что ее там нет. Есть, конечно. Но ее нет. Это вы мне сказали. Я вам не поверил. — Он пробормотал ругательство и добавил: — Я пытаюсь вам помочь, но получается не очень хорошо.

— Не думайте об этом.

Голландец чуть улынулся:

— Вы когда-то сказали мне, что в раю нет слез. — Он смотрел прямо на дорогу. — Зато здесь их хоть отбавляй. — Он притормозил. — Вы одолеете боль и выберетесь с другой стороны. — Он подъехал к тротуару и остановился на углу. — Как сделал я.

Зик протянул ему руку:

— Спасибо, Голландец. — Тот крепко пожал протянутую руку.

Зик вышел из кабины грузовика и вдруг услышал:

— А не выпить ли нам как-нибудь по чашечке кофе?

Зик обернулся. Неужели после стольких лет дверь начинает открываться?

Голландец застеснялся:

— У меня возникли вопросы. Возможно, Шэрон давала на них ответы, но как только она начинала говорить о религии, я затыкал уши.

— Может, в кафе «У Бесси», завтра утром, когда вы закончите работу? В семь пятнадцать?

— Ага. До встречи. — Голландец поднял руку, прощаясь, завел мотор и поехал направо.

Зик улыбался вслед удаляющемуся за угол грузовику.

Солнце начало всходить. Зик на миг закрыл глаза, стараясь не думать о грядущих днях. *Господи, помоги мне пережить этот день. Помоги преодолеть эту боль, помоги перейти через нее на другую сторону.*

Абра проплакала весь день. Папа больше не хочет с ней жить, потому что из-за нее умерла мама. Она слышала, как папа говорил, что маме приходилось из-за нее слишком много работать.

Миссис Мэтьюс сидела с ней в спальне Пенни, гладила по спине и говорила, что они очень ее любят и надеются, что она тоже научится их любить. У Абры начали слипаться глаза.

Она проснулась, когда Пенни вернулась домой и сразу побежала вверх по лестнице. Но ее отец позвал дочь и велел вернуться. Абра встала с постели и села у окна.

Через несколько минут в комнату вошла вся семья. Они подошли к Абре, а Пенни присела с ней рядом:

— Мама и папа сказали, что ты будешь моей сестрой. — Когда по щекам Абры покатились слезы, Пенни растерялась: — Ты не хочешь быть моей сестрой?

У Абры задрожали губы.

— Я хочу быть твоей подругой.

Миссис Мэтьюс положила руки им обеим на головы и пригладила волосы:

— А теперь вы можете быть и подругами, и сестрами.

Пенни обняла Абру:

— Я говорила маме, что хочу, чтобы ты была моей сестрой. А она посоветовала мне молиться об этом. Я молилась и молилась, а теперь получила то, чего так хотела.

Абра подумала, а что же произойдет, если Пенни передумает? Как папа.

После ужина, передачи «Семья одного человека» по радио и сказки Абру уложили в кровать вместе с Пенни. Миссис Мэтьюс поцеловала их обоих, выключила свет и закрыла дверь. Пенни болтала, пока не заснула на полуслове.

Абра не могла спать, она смотрела вверх на кружевной балдахин.

Мама говорила, что всегда будет ее любить, но она умерла. Мама обещала, что Господь не заберет ее, но Он забрал. Папа говорил, что любит ее, но потом объявил, что она больше не может жить с ним вместе. Ей придется жить здесь, в семье Мэтьюс. Он сказал, что мистер и миссис Мэтьюс хотят стать ее мамой и папой.

Почему же никого не интересует, чего хочет сама Абра?

Дождь колотил по крыше, несколько капель стучали ритмично, как барабан. Пенни перевернулась, продолжая говорить во сне. Абра откинула одеяло, встала с постели и перебралась к окну. Обхватив руками колени, она положила на них голову. Свет уличных ламп расплывался от дождя. Хлопала калитка перед домом. Ветер выводил свою мелодию.

Из-за угла квартала появился мужчина и пошел по тротуару. Папа! Возможно, он передумал и хочет забрать ее домой!

Она встала на колени, прижав ладони к стеклу.

Он только раз глянул наверх, медленно проходя мимо забора.

Видел ли он ее? Она постучала по стеклу. Ветер раскачивал ветки трех берез в углу двора. Папа остановился у ворот. Сердце Абры заколотилось, она постучала по стеклу громче.

Папа не поднял голову и не зашел во двор. Он стоял неподвижно, склонив голову, как он делал, когда молился. И если он так делал, мама всегда говорила, чтобы Абра не мешала, потому что папа говорит с Богом.

Абра тоже опустила голову и сложила ладошки:

— Пожалуйста, Господи, пожалуйста, пожалуйста, пусть папа заберет меня домой. Пожалуйста. Я буду хорошо себя вести. Обещаю. Больше никто не будет из-за меня уставать и болеть. — Она смахнула слезы. — Я хочу домой.

Исполненная надежды, Абра привстала и посмотрела в окно.

Папа приближался к концу улицы. Она не сводила с него глаз, пока он не исчез за углом.

Питер и Присцилла переговаривались о чем-то шепотом. Иногда они огорчались. Но потом снова жизнерадостно улыбались и делали вид, будто все хорошо. Пенни больше не хотела иметь сестру. Ситуация вышла из-под контроля, когда Присцилла сделала для Абры новую одежду для дома.

— Я думала, это для меня! — заныла Пенни.

— У тебя уже есть несколько платьев, а у Абры нет.

Пенни заплакала громче:

— Я хочу, чтобы она ушла *домой*!

Питер вышел из закутка на кухне, где разбирал бумаги:

— Довольно, Пенни. Отправляйся в свою комнату!

Она ушла, но сначала показала Абре язык. Питер сказал Присцилле, что им нужно еще раз поговорить с Пенни, и они вместе отправились наверх. Они закрыли дверь спальни Пенни и пробыли там очень долго. Абра не знала, что ей делать. Наконец, она вышла во двор и села на качели. Ей нужно уйти домой? И куда тогда папа отправит ее? В другую семью?

Она закручивала качели, пока цепи не скрутились полностью, потом отпустила ноги и начала вращаться. *Пенни всегда будет первой, первой, первой, первой. Пенни родная дочь, родная дочь, родная дочь.* У Абры начала кружиться голова, но она снова закрутила качели. *Я должна быть хорошей, хорошей, хорошей.*

Абра подслушала разговор Питера и Присциллы на кухне в то утро.

— Она ни разу не улыбнулась за три месяца, Прис. А она ведь была такой счастливой девочкой.

Присцилла ответила примирительно:

— Марианн ее обожала. Возможно, она была бы еще жива, если бы отдала Абру сразу, а у нас не было бы всех этих проблем.

Питер налил себе чашечку кофе:

— Надеюсь, скоро все изменится, иначе представить не могу, что нам делать.

Абру охватил страх. Они говорят о том, чтобы избавиться от нее!

— Абра! — Судя по голосу, Питер был расстроен. Он выскочил из задней двери дома. Девочка спрыгнула с качелей, тогда он облегченно вздохнул: — Вот ты где. Пойдем в дом, детка. Мы все хотим с тобой поговорить.

У Абры повлажнели ладони. Сердце билось все чаще и чаще, пока она шла за Питером в гостиную. Неужели они уже решили отправить ее жить к чужим людям? Присцилла и Пенни сидели на диване. Питер обнял Абру за плечи:

— Пенни хочет что-то тебе сказать.

— Прости меня, Абра. — Лицо Пенни опухло от слез. — Мне нравится, что ты моя сестра. — Голос ее был безжизненным, зато глаза говорили правду.

— Хорошая девочка! — Присцилла прижала ее к себе и поцеловала в макушку.

Абра не поверила ни одной из них.

Присцилла усадила Абру рядом с собой и обняла за плечи, прижимая обеих девочек к себе:

— Теперь вы обе наши маленькие девочки. И нам очень нравится, что у нас две дочери.

Папа по-прежнему заходил каждые несколько дней. Джошуа никогда не приходил с ним. Теперь они с братом виделись только раз в неделю, по воскресеньям после воскресной школы, и тогда они просто стояли и смотрели друг на друга, не зная, что сказать.

Как только Абра слышала голос отца, она летела вниз по лестнице, надеясь, что на этот раз он пришел, чтобы забрать ее домой. Обычно Присцилла брала ее за руку и говорила:

— Не зови его папой, Абра. Ты должна обращаться к нему подобный Фриман, как все остальные дети. Когда подрастешь, сможешь называть его пастор Зик. Теперь твой папа Питер.

В такие дни она засыпала в слезах, и ей снились кошмары. Она звала папу, а он не слышал. Она пыталась побежать за ним, но чьи-то руки удерживали ее. Она кричала: «Папа, папа!» — но он не обращивался.

Присцилла будила ее и прижимала к себе:

— Все будет хорошо, Абра. Мама здесь. — Но мамы не было. Мама лежала в ящике под землей.

Несмотря на то что Питер и Присцилла без конца повторяли, что любят ее, Абра им не верила. Она знала, что ее удочерили только потому, что Пенни пожелала сестричку. Если Пенни передумает, Питер и Присцилла ее отдадут другим. И куда она тогда пойдет? К кому?

На следующий день пришел папа. Питер долго разговаривал с ним на крыльце, а потом вернулся в дом один. Абра попыталась обойти его и выйти из дома, но Питер преградил ей путь и взял за плечи:

— Ты не будешь видеться с пастором Зиком некоторое время, Абра. — Она думала, это означает, что она не увидит папу до воскресенья, когда пойдет в церковь, но в воскресное утро Питер повел машину в другую сторону. Когда Пенни спросила, куда они едут, Питер ответил, что они будут теперь посещать другую церковь. Пенни ныла и капризничала, жалуясь, что не увидит своих друзей, а Питер возразил ей, что эта перемена пойдет им на пользу. Абра знала, что это по ее вине они больше не будут ходить в церковь преподобного Фримана, и ее последняя надежда умерла. Теперь она даже не будет видеться с Джошуа. Пенни скрестила руки на груди и надулась. Присцилла грустно улыбнулась Абре и сказала, что они только подождут и посмотрят, как пойдут дела дальше.

1950

Мици открыла дверь и высунулась наружу. Она еще даже не причесалась.

— А что, сегодня среда? — Она жестом пригласила Абру зайти и закрыла за ней дверь. На ней был красный домашний халат и поношенные синие тапочки из атласа, отороченные перьями.

Абра изумленно смотрела на нее:

— Вы же сказали, что я могу у вас репетировать.

— Что ж, уговор дороже денег. — Мици прошла в гостиную, хлопая задниками тапок. — Я очень рада видеть тебя, солнышко. Только никому не говори, что я была не одета в три часа дня. И никому не говори, что я курила. — Она загасила сигарету в хрустальной пепельнице. — Ходж считает, что это вредно для моего здоровья. — Затем взяла пепельницу и отнесла на кухню, где отправила следы преступления в мусорное ведро. — Не хочешь чашечку горячего шоколада, перед тем как набросишься на Бетховена?

Абра опустилась на стул возле окна, выходящего в боковой дворик. Сын Мици, Ходж, жил в соседнем доме. Сейчас его жена чем-то занималась на кухне.

— Опустит занавеску. — Мици, которая держалась подальше от окна, взмахнула рукой. — Нет, погоди. Лучше не нужно. Карла полагает, что со мной что-то не так, и Ходж тотчас примчится узнать, почему я в халате в разгар дня.

Абра улыбнулась, явно забавляясь растерянностью Мици, и спросила:

— А почему вы *в халате* посреди дня?

— Потому что я старая и уставшая женщина, иногда мне просто не хочется возиться с косметикой и волосами, не хочется думать, что надеть. Выглядеть хорошо совсем непросто, для этого требуется много усилий и воз и маленькая тележка косметики. Ага! Наконец-то! Улыбнулась! — Она добавила шоколадный порошок в молоко, стоящее на плите. — А у тебя как дела, золотце?

— Пенни терпеть не может, когда я играю на пианино.

— Это оттого, что у нее нет слуха и способностей к музыке. — Выражение лица Мици вдруг изменилось. — А ты забудь то, что я только что сказала, сию же минуту. — Она протянула Абре руку с оттопыренным мизинцем — обещание на мизинцах. — Абра повторила ее жест.

Карла Мартин заметила Абру и помахала ей рукой через окно кухни. Абра изобразила радостную улыбку и помахала ей в ответ.

— Ты можешь репетировать на том симпатичном рояле, что стоит в церкви, сколько хочешь. Пастор Зик не станет возражать.

— А зачем мне туда идти? — Абра снова посмотрела в окно.

— Я просто подумала... — Мици выключила газ и налила дымящийся шоколад в две кружки: — Пойдем в гостиную. — Она вручила Абре кружку и сделала вид, будто выглядывает из-за двери: — Не нужно размахивать красной тряпкой перед Карлой.

Обхватив кружку двумя руками, Абра опустилась в слишком мягкое кресло и перекинула ноги через подлокотник.

— Спасибо, Мици. — Если бы она так уселась в доме Питера и Присциллы, ей обязательно бы велели вести себя как леди. — Мне нравится здесь гораздо больше, чем в любом другом месте.

Мици ласково ей улыбнулась:

— А мне нравится, когда ты приходишь. — Она устроилась на диване, скинула тапки и положила босые ноги на кофейный столик. Ногти у нее на ногах были покрыты ярко-красным лаком. — Значит,

они все ополчились на тебя? Пытаются задушить твой талант на корню?

Иногда Мици раздражала. Абра отхлебнула шоколад и решила быть честной:

— Они устают слушать, как я играю одни и те же пассажи по многу раз, а мне не научиться, если я не буду этого делать. У Присциллы начинает болеть голова, Питер хочет слушать новости по радио, а Пенни воеет, как банши*.

— Ты же знаешь, — сказала Мици, растягивая слова, — вся беда в том, что под одной крышей живут две тринадцатилетние девочки. То вы подружки не разлей вода, то вцепляетесь друг другу в глотки.

— То есть вы хотите сказать, что Питеру и Присцилле жилось бы лучше, если бы у них была только одна дочь.

Мици пришла в ужас:

— Я вовсе не это хотела сказать. Просто вы обе вырастаете и перестанете быть несносными.

— Хотелось бы надеяться.

— Что ж, можешь пользоваться моим инструментом, сколько захочешь. Возможно, я взвою, когда ты возьмешь не ту ноту, но не допущу, чтобы ты бросила.

— Теперь наша троица возрадуется и пустится в пляс по гостиной. — Абра переложила ноги на кофейный столик. Ей нравилось бывать у Мици. Потому что не приходилось прикусывать язык всякий раз, когда хотелось сказать то, что она думала на самом деле. Правда, Мици не позволяла ей сплетничать и жаловаться. Она не переносила ни того, ни другого. Однако именно здесь девочка чувствовала себя дома, а не в том, другом доме.

— Не спеши так, детка. — Мици посмотрела на Абру поверх края чашки. — У меня одно условие. Ты будешь играть на утренней службе.

— Что? — И тотчас ушли радость и тепло. — Нет! — Она опустила кружку на столик. От одной мысли об этом у нее свело живот.

— Да, я хочу, чтобы ты начала...

— Я же сказала, нет.

* Банши — привидение-плакальщица в гэльском фольклоре. — *Примеч. пер.*

— Приведи хоть одну вескую причину.

Абра пыталась найти оправдание:

— Потому что я ничего не хочу делать для преподобного Фримана. Вот почему. Он предал меня. Помните?

Темные глаза Мици вспыхнули, она опустила ноги на пол:

— Это же полная чепуха. Кроме того, разве это пастор Зик тебя просил? Ты сделаешь это не для него. Ты сделаешь это для меня. Но было бы гораздо лучше, если бы ты сделала это для Бога.

Ну, это вряд ли. Что сделал для нее Бог? Поскольку Абра знала, как Мици относится к Богу, то придержала язык.

— Но вы сами играете намного лучше, чем я когда-нибудь смогу.

— Ты играешь почти как я. Мне больше нечему учить тебя. И да, да, мы доберемся до рэгтайма, но не сейчас.

— Почему вы просите меня играть в церкви?

— Потому что я старею, я устала и хочу выходной в воскресенье. Вот поэтому. А Марианн всегда мечтала, что ты когда-нибудь будешь играть в церкви. Сделай это для нее, если не хочешь для меня.

На глаза Абры навернулись слезы. Вернулась старая боль и схватила за горло.

Мици смягчилась:

— Прости, солнышко. Ах, милая, тебя переполняет страх, а бояться нечего. — Она вяло улыбнулась. — Пастор Зик любит тебя, а ты с ним даже не разговариваешь. Я так рада, что твоя семья вернулась в нашу церковь. Эти два года, что он не видел тебя, трудно дались ему. — Абра удивилась. — Этот человек спас твою жизнь и приютил на пять лет.

— Лучше бы он оставил меня там, где нашел.

— Ага-ага. Ты можешь наплакать целую реку слез, а можешь построить мост. Ты даже не выказываешь ему уважения, которое он заслуживает как твой пастор.

Вся дрожа от сдерживаемых слез, Абра поднялась:

— Я думала, что вы любите меня.

— Я люблю тебя, глупышка! Иначе почему, думаешь, я с тобой занимаюсь? Может, из-за твоего жизнерадостного характера? — Мици нетерпеливо вздохнула. — Я скажу тебе кое-что один раз и больше повторять не буду. *Пора с этим покончить!* Абра, милая, Зик

отдал тебя, потому что любил, а не потому, что хотел избавиться. Он сделал это ради твоего блага. И не надо косо смотреть на меня. Я никогда тебе не лгала и не буду. — Она явно обиделась. — Я знаю, это твое право, верить мне или не верить: то, во что ты веришь, определяет твою дальнейшую жизнь. И не говори мне, что ты несчастна в семье Мэтьюс.

— Я притворяюсь.

— Действительно? — Мици громко фыркнула. — Ну, если это правда, ты великолепная актриса, гораздо лучше, чем я когда-либо была. — Она по-прежнему сидела на краешке дивана. — Может, наконец присядешь? У меня уже болит шея.

Абра села.

Тогда Мици прислонилась к спинке и снова положила ноги на столик. Она оглядела Абру:

— Итак? Что скажешь, мисс Мэтьюс? Может, ты лучше слезешь со своей высокой лошади и оседлаешь табурет перед пианино? Или хочешь репетировать дома, чтобы свести с ума всю семью?

— А когда я должна играть в церкви?

— На этой неделе.

— *На этой неделе!*

— Я подберу несколько несложных гимнов. «Прекраснейший Господь Иисус» вполне подойдет. — Мици забрала кружку у Абры и жестом пригласила к инструменту: — Хватит бездельничать. Сначала разомнись гаммами.

Абра сыграла с листа «Пуговицы и банты» Дины Шор. Из кухни вернулась Мици и поставила перед ней «Кукольное личико». Абра обрадовалась и сыграла песню почти без ошибок.

— Хорошо. Ну, довольно баловаться.

Мици открыла сборник гимнов и не успокоилась, пока Абра не сыграла гимн «Прекраснейший Господь Иисус» три раза без ошибок. Затем она полистала сборник и нашла «Нетленному, невидимому, единому премудрому Богу».

Мици отбивала ритм, пока Абра играла, и подгоняла ее:

— Увеличивай темп. Это не погребальная песня.

Мици сама себе дирижировала и громко пела, идеально выводя мелодию. Когда она наконец решила, что получается удовлетворительно, то открыла «Вблизи креста Христова».

Абра сердито на нее посмотрела. Ей хотелось захлопнуть крышку пианино. Но она сдержалась и вместо этого сыграла «Вблизи креста Христова» в другом ритме.

— Это ведь не вальс. Ты что думаешь, люди должны танцевать в проходе?

— Это лучше, чем спать на скамьях!

Мици хохотала, пока не рухнула в кресло. Она вытянула ноги и свесила руки с подлокотников:

— Еще два гимна и можешь играть, что захочешь. Найди «Христа да возвеличат все» и сыграй как марш. Это будет заключительная часть. Только играй со страстью! — Негодующая Абра подчинилась. — Теперь нам осталось найти что-нибудь для начала, пока прихожане рассаживаются по местам, и на сбор пожертвований, чтобы размягчить сердца и открыть кошельки. — Мици похлопала Абру по плечу. — По часу в день на все это и можешь играть, что хочешь. Договорились?

— А у меня есть выбор?

— Надо же, сколько энтузиазма! — Мици молитвенно сложила руки. — Прости ее, Господи. Эта девчонка по-другому не может. Пока не может. — Она подошла к Абре и открыла станицу с гимном «Слушай и верь»: — Сыграй этот.

Вдруг всплыло воспоминание — туманным утром ее несет преподобный Фриман и поет этот гимн. Ей очень нравился его голос. Она помнила наизусть каждое слово. А верила ли? Она больше не доверяет никому, и меньше всех Иисусу. Абра опустила крышку пианино:

— Мне нужно идти домой.

Мици обняла ее:

— Завтра я не буду тебя так мучить.

— Я, возможно, не приду.

Мици поцеловала ее в макушку:

— Это тебе решать.

С Мици бесполезно притворяться. Они обе знали, что она придет. Когда Абра поднялась, Мици встала перед ней и погладила по щеке:

— Я верю в тебя. Мы все будем тобой гордиться. — Она отпустила девочку и наклонилась взять сборник гимнов: — Возьми с собой. Просто перечитай слова, чтобы знать, как играть. Я уверена, если

ты скажешь Питеру и Присцилле, что будешь играть в церкви, они позволят тебе репетировать. — Ее глаза озорно горели. — А когда ты придешь сюда, мы сможем работать над рэгтаймом.

Абра повеселела и поцеловала Мици в щеку:

— Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, солнышко. — Мици проводила ее до двери. — Через год ты сможешь играть все гимны из этой книги. Но запоминай не только музыку. Запоминай слова. А теперь иди, пока Присцилла не подала заявление о пропаже и Джим Хелгерсон не прикатил на полицейской машине. — Она куталась в свой халат, стоя в дверях. — Пока-пока.

Зик снял бейсболку и вошел в заведение Бесси. Колокольчик над дверью звякнул, новая официантка бросила на него взгляд и снова занялась полудюжиной посетителей, сидевших на табуретах перед стойкой. У официантки были каштановые волосы, завязанные в аккуратный французский узел, и милое, немного отстраненное, лицо. Голубой передник, завязанный на талии поверх белой блузки и черной юбки, не скрывал безукоризненные изгибы ее тела. Мужчины заигрывали с ней, но она обслуживала их с холодной безразличной улыбкой и не вступала в разговоры.

Двери из кухни распахнулись, и вышла Бесси с четырьмя тарелками с завтраком: три на одной руке и четвертая во второй.

— Доброе утро, Зик! Вы сегодня позднее обычного. Ваше место вас дожидается. Усаживайтесь, я сейчас к вам подойду. — Она обслужила четырех мужчин в рабочей одежде, сидевших у окна.

Перед тем как устроиться на своем обычном месте в конце зала, Зик заглянул на кухню и поздоровался с Оливером, он выглядел измученным, но поспевал с заказами.

— Как я вижу, Бесси нашла себе новую официантку.

— Она прекрасно работает. Приступила вчера вечером. Справляется без труда. Бесси держится за нее.

Зик оставил Оливера работать, а сам прошел на свое место. Ему нравилось сидеть в дальней части зала и наблюдать за происходящим. Таким образом, он видел всех, кто заходил. Голландец нередко здесь останавливался, тогда они вместе пили кофе и беседовали.

Наконец Голландец пришел в церковь, там Зик познакомил его с Марджори Бакстер. Понадобилось несколько месяцев случайных встреч, чтобы Голландец пригласил Марджори поужинать.

— Мы весь вечер говорили о вас, — с ухмылкой сообщил он. — А теперь, когда исчерпали эту скучную тему, мы можем переходить к другим.

Зик был безмерно рад, когда они стали встречаться регулярно.

Новая официантка снова посмотрела в его сторону. Зик улыбнулся и кивнул в знак приветствия. Обычно он легко угадывал возраст человека, но с этой женщиной у него не получалось. Тридцать пять? Она двигалась быстро, видимо, привыкла к такой работе. В ее глазах читалась усталость, но не физическая — она устала от жизни, сломалась. Когда она улыбнулась ему в ответ, ее глаза остались серьезными.

Бесси разнесла тарелки и, схватив кружку с полки, направилась к нему.

— Вы обычно приходите до того, как становитсялюдно. — Она поставила кружку перед ним и налила в нее дымящийся черный кофе, не пролив ни капли.

Зик поблагодарил ее и обхватил теплый фарфор озябшими пальцами:

— Я сегодня ходил дальше обычного.

— Не могу понять, зачем вы вообще ходите пешком, когда у вас есть замечательная машина, могли бы ездить на ней.

Через несколько месяцев после смерти Марианн Мици Мартин крайне удивила Зика, настояв на том, чтобы он забрал ее машину, простоявшую у нее в гараже неизвестно сколько времени.

— Вам нужна машина, а у меня она есть, пылится в гараже. Я хочу, чтобы вы ее забрали. — Она уже приняла решение, поэтому Зик у оставалось только с благодарностью принять дар.

Но даже по прошествии нескольких лет Зик чувствовал себя неловко за рулем автомобиля Мици и поэтому пользовался им, только если спешил куда-то или отправлялся слишком далеко, куда неразумно идти пешком. На прошлой неделе он выводил ее из гаража один раз — чтобы прокатить Мици за город. Они поговорили об Абре. Каждое воскресенье девушка играла в церкви, хотя и не скрывала свой протест.

— Ее нервирует присутствие большого количества людей, но она в конце концов привыкнет. На это нужно время.

Абра по-прежнему почти не разговаривала с Зиком. Она стала называть его пастором Зиком, а не преподобным Фриманом, что уже было неким прогрессом. Однажды он сказал ей, что Марианн гордилась бы ей, увидев за пианино во время службы. Она ответила, что Мици говорила ей то же, поэтому она и согласилась, в память о Марианн. Она сказала все это вполне вежливым тоном, но он все-таки почувствовал в ее словах укор. Мици говорила, что Абра все еще видит ситуацию через призму той детской обиды.

— Но что бы там ни было, она научится играть все гимны в сборнике, так что при случае что-нибудь обязательно вспомнится.

Зик печально улыбнулся Бесси:

— Я не хочу чересчур изнашивать машину.

— Или вы стесняетесь ездить на автомобиле, который лучше, чем у большинства прихожан.

В этом была своя правда. Во всяком случае, Чарлз Лидиксон всегда раздражался, видя пастора в этой машине.

Зик кивнул в сторону новой официантки:

— Как вижу, вы нашли себе помощницу.

Бесси тотчас расцвела:

— Ее зовут Сьюзен Уэллс. Она появилась здесь вчера и заявила, что ищет работу. Сказала, что у нее есть опыт такой работы. Посмотрев вчера вечером и сегодня утром, как она обслуживает столики, я убедилась в этом. — Она жестом подозвала девушку: — Сьюзен! Подойди сюда и познакомься с нашим лучшим клиентом. — Сьюзен вытерла руки и вышла из-за стойки. — Зик, позвольте вам представить Сьюзен Уэллс, она только что приехала в Хейвен. Сьюзен, это преподобный Эзикиел Фриман, пастор местной церкви Хейвена.

При слове *преподобный* глаза Сьюзен блеснули. Зик у доводилось видеть этот взгляд, как бы говорящий: «*Ничего себе*».

— Преподобный Фриман... — Она сдержанно кивнула.

— Зовите его пастор Зик, — сказала Бесси. — *Преподобный* — несколько чопорно. Скорее, подходит пожилому человеку. — Она подмигнула Зик.

Зик протянул Сьюзен руку:

— Приятно познакомиться, мисс Уэллс.

Немного помедлив, Сьюзен пожалала ее. Короткое, но крепкое пожатие.

— Я миссис Уэллс, — с некоторым усилием поправила его молодая женщина. Ее взгляд метнулся в сторону, затем она снова на него посмотрела. — Мой муж погиб на войне.

Зик тотчас угадал, что она лжет:

— Сожалею.

— Эй, Бесси! Нас будут обслуживать? — Один из посетителей поднял свою кружку.

— Спокойно, Барни! Чем ты там занят? Переливаешь кофе в термос, чтобы выпить, когда доплетешься до работы? — Бесси извинилась и направилась к посетителям.

Сьюзен молча выслушала их перепалку. Зик хмыкнул:

— Не переживайте. Барни — младший брат Бесси.

— Вот оно что. — Сьюзен снова замолчала.

Теперь Бесси и Барни смеялись. Она схватила его за выющиеся темные волосы и крепко дернула, затем отправилась к следующим столикам.

— Это утренний ритуал. — Зик улыбнулся. — Добро пожаловать в Хейвен, миссис Уэллс. — Он встретился с ней взглядом.

Выражение ее лица изменилось, словно его закрыли вуалью от пытливых глаз.

— Спасибо. Мне нужно идти работать.

Джошуа оказался в ловушке на переднем крыльце: Абра прислонилась к перилам, а Пенни сидела с ним рядом и говорила без остановки о выпускном после восьмого класса и о вечеринке, которую устраивают ее родители. Абра стояла у перил и молчала.

Пенни придвинулась к нему ближе:

— А ты пойдешь на свой выпускной? Кажется, он в следующие выходные?

Присцилла вышла из дома:

— Пенни, иди в дом и накрой на стол.

— Но еще рано для ужина.

— Иди, Пенни.

— Ладно, ладно. — Она с недовольным видом встала. — А Джошуа может остаться на ужин?

Присцилла вопросительно посмотрела на парня:

— Ты знаешь, мы будем очень рады.

Пожалуй, слишком рады на его вкус.

— Спасибо, но я не могу.

Как только за ними хлопнула дверь, Джошуа встал:

— Не хочешь прогуляться?

Абра подняла голову, ее лицо просветлело.

— Конечно, хочу.

Он открыл калитку перед ней. Она вышла, глядя прямо перед собой. Ему бы хотелось знать, о чем она сейчас думает.

— Я пытался втянуть тебя в разговор.

Она пожала плечами:

— Пенни на тебя запала.

Снова у Джошуа возникло ощущение, что Абра что-то грызет изнутри. Меньше всего ему хотелось внести разлад между сестрами.

— На следующей неделе она упадет на кого-нибудь другого.

— А ты *пойдешь* на выпускной? — Она бросила на него взгляд, который он не мог разгадать. — Ты не ответил ни на один вопрос Пенни.

— Да. Я иду.

Пол Давенпорт хотел пойти с Джанет Фулсом, но ее отец сказал, что позволит, только если с ними пойдет еще одна пара. Джошуа мог бы пригласить лучшую подругу Джанет, Салли Прюитт, но, насколько он знал, ее уже пригласил Брейди Студебекер. Тогда он пригласил Лэйси Гловер, и та с удовольствием согласилась.

Абра вдруг сменила тему и спросила, продолжает ли он делать кухонные шкафы у Вудингов.

— Нет. Мы с Джеком завершили проект на прошлой неделе. Сейчас он хочет заменить перила на лестнице в своем доме. Он научил меня пользоваться фрезой, и теперь я делаю балясины по шаблону. Они для его нового строящегося бунгало. Он хочет, чтобы я сделал свой собственный шаблон — «балясину с украшениями», как он говорит. — Джошуа рассмеялся. — Мистер Вудинг верит в меня больше, чем я сам. Я сделал уже шесть, а он разломал все пополам и бросил в дрова.

— Какой злой!

— Нет, он не злой. Просто он добивается лучшего результата. Я многому у него научился.

— А ты разве не хочешь пойти в колледж?

— Когда-нибудь. Может быть. Пока я не скопил достаточно денег.

— А ты еще скаут?

— Больше нет.

Это Джек Вудинг посоветовал ему стать бойскаутом-орлом*. Джошуа получил значок в прошлом году, когда предложил построить наклонный съезд к библиотеке, сам спроектировал его, нашел финансирование и набрал команду для реализации проекта.

— Я сейчас очень занят, разрываюсь между школой и работой у мистера Вудинга.

— Но у тебя находится время гулять с девочками. — Она бросила на него взгляд. — Ты так и не сказал, с кем пойдешь на выпускной.

Она все еще об этом думает?

— Лэйси Гловер. Ее семья ходит в нашу церковь. — Он заметил, как Абра нахмурилась, и решил, что она, возможно, ее не знает. — Такая высокая брюнетка, сидит в шестом ряду справа со своей семьей, у нее есть младший брат на год тебя старше. Брайан. Ты его знаешь?

Она пожала плечами:

— Я знаю его в лицо, но не знакома с ним. — Она продолжала идти. — Пенни очень надеялась, что ты пригласишь ее на выпускной.

— Вряд ли. Ей всего тринадцать, она даже еще не перешла в старшую школу.

— Следующей осенью перейдем.

Джошуа решил поддразнить ее, чтобы вывести девочку из мрачного состояния духа:

— Ты уже знаешь, с кем бы ты хотела пойти на свой выпускной?

Она хмыкнула:

— Вряд ли меня кто-то пригласит.

* Бойскаут-орел — бойскаут первой степени, набравший 21 очко по всем зачетам и получивший степень отличия — значок «Скаут-орел». — *Примеч. пер.*

— Это почему? Ты симпатичная девочка. — Он обнял ее за плечи и прижал к себе. — Обязательно пригласят. Парни будут выстраиваться в очередь, чтобы пригласить тебя куда-нибудь. А если вдруг, хотя я в это не верю, никто не позовет тебя на свидание, тогда пойдешь со мной. — Он поцеловал ее в щеку и тотчас отпустил — пробили часы на башне. — Мне пора домой.

Ее настроение резко изменилось, она бросилась бежать с ним наперегонки обратно к дому. Они добежали до калитки, задыхаясь, хватая ртом воздух.

— Ты очень хорошо бегаешь для девочки. — Он с трудом сумел ее обогнать. Джошуа порылся в кармане и достал ключи. Дверца грузовика заскрипела, когда он ее открывал.

Абра просунула голову в открытое пассажирское окно:

— Твоя машина просто рухлядь, Джошуа.

— Ладно! Я еще не закончил ее ремонт. — Он погладил руль. — Она отлично бегаёт. — Он повернул ключ зажигания, но грузовик не завелся.

Абра засмеялась:

— И ты повезешь Лэйси Глоувер на этой старой колымаге?

Он усмехнулся:

— Папа одолжит мне свою машину.

— А я даже ни разу не прокатилась на машине Мици!

— Сама виновата. Нужно просто его попросить. — Он снова повернул ключ зажигания, грузовик вздрогнул и ожил.

Абра сошла с подножки и прокричала, перекрывая шум мотора:

— А ты приедешь на наш выпускной?

— Ни за что не пропущу! И тебе бы неплохо прийти на мой. — Он помахал ей, отъезжая. И оглянулся, когда заворачивал за угол. Абра стояла у ворот и смотрела ему вслед. Вид Абры всколыхнул что-то у него в груди, какое-то предчувствие, но он ничего не хотел знать об этом.

Актовый зал школы первой ступени Джорджа Вашингтона был полон — начинался выпускной для восьмиклассников. Над сценой, где будут сидеть ученики, висело знамя с надписью «Класс 1950 года».

— Как все волнительно! — Пенни сжала руку Абры. Абра пожала ее руку в ответ и перевела взгляд на собравшихся в зале людей. Вон сияющая Мици, Джошуа, они сидят рядом с Питером и Присциллой. Абра знала, что пастор Зик стоит на сцене в нескольких футах от нее, но она не решалась посмотреть в его сторону — слезы были готовы брызнуть из глаз. Он гордится ей? Сожалеет, что тогда отдал ее?

После церемонии вручения аттестатов все поднялись на ноги, аплодировали и приветствовали выпускников. Абра увидела, как Джошуа поднес два пальца к губам и пронзительно свистнул. Она рассмеялась, они с Пенни крепко обнялись.

Присцилла и Питер поджидали их у выхода из зала среди шума и толкотни. Абра заметила Мици и направилась к ней, как к маяку:

— Я так рада, что вы пришли!

Мици обняла девочку и поцеловала в висок:

— Ни за что на свете не пропустила бы. — Она отстранила Абру от себя. — Это только начало, зайка.

Питер позвал их и щелкнул пальцами:

— Пенни! Абра! Идите сюда. Вы должны вернуть мантии и шапочки, чтобы мы могли пойти домой. А мне нужно поддерживать огонь.

Народ прибывал на задний двор школы. Питер переворачивал гамбургеры на гриле, а пастор Зик и Джошуа стояли рядом и разговаривали с ним. Пенни смеялась и прыгала с Памелой и Шарлотт, наверное, готовились к отбору в группу поддержки школьной футбольной команды в сентябре.

Абра увидела, что Джошуа пробирается к ней через толпу. Он оглядел ее с ног до головы:

— Ты стала совсем взрослой, только босые ноги выдают.

Абра повеселела:

— Я взрослая даже с босыми ногами.

— В этом платье у тебя глаза как изумруды.

Она вспыхнула.

К ним подошел пастор Зик, но Присцилла не дала ему начать поздравление:

— Встаньте вместе. Я хочу вас сфотографировать. — Абру зажали между Джошуа и пастором. — Сейчас вылетит *птичка*!

Присцилла сделала снимок, радостно им улыбнулась и отправилась снимать Пенни и гостей.

— Марианн гордилась бы тобой, Абра. — Пастор Зик достал из кармана коробочку и вручил ей. — Она бы хотела, чтобы ты взяла это.

Меньше всего Абра ожидала от него подарка. Она смущенно приняла дар.

— Ну же, — поторопил ее Джошуа, глядя на девочку с нетерпением. — Открывай.

Внутри маленькой коробочки на синем бархате лежал золотой крестик Марианн на цепочке. Горло Абры сжалось, она не могла говорить. Пастор Зик взял крестик и шагнул ей за спину. Девочка почувствовала, как его пальцы коснулись ее шеи.

— Ну вот. Здесь ему и место, — сказал он ласковым, чуть хриплым голосом. Он положил ей руки на плечи и легонько сжал их.

Абра прикоснулась к крестику, стараясь не расплакаться. Она даже не смогла сказать ему спасибо, когда подняла на него глаза.

Пастор Зик растроганно смотрел на нее:

— Этот крестик Марианн получила от своей матери. — Он чуть улыбнулся. — Надеюсь, ты станешь его носить в память о ней.

Она кивнула, потому что по-прежнему не могла говорить.

— Ты отлично выглядишь! — К ним подошла Мици и обняла девочку за талию. — Какая ты нарядная, а пойти некуда. Ты становишься такой красивой, Питеру придется отгонять от тебя парней бейсбольной битой.

Абра улыбнулась, на глаза навернулись слезы. А когда она снова посмотрела в сторону пастора Зика, кто-то уже занял его разговором. Мици заметила, куда она смотрит.

— У бедняги никогда не бывает свободного времени.

— Это его работа, — сказал Джошуа, и Абра вдруг поняла, что он все это время смотрел на нее. К лицу прилила кровь.

— Что ж, — в глазах Мици блеснул огонек, — тебе надо это учесть, если собираешься пойти по его стопам.

Джошуа рассмеялся:

— Мне кажется, Господь призывает меня к другому.

— Ты не можешь знать, чего хочет от тебя Господь, пока это не свершится. — Мици переводила взгляд с одного на другого, а на ее

губах заиграла странная улыбка. — Судя по всему, Он подталкивает нас сразу в сотнях направлений, согласны? Соль земли, и все такое. Немного приправы туда, немного сюда. — Она обняла их обоих за плечи и прижала к себе. — Кстати о приправах, мои дорогие. Лучше поспешить, а то все гамбургеры расхватывают!

Джошуа ушел на холмы и сел лицом к городу. На площадке для кемпингов стояла дюжина палаток, в них остановились семьи, сейчас все начали готовить барбекю. Парковка была забита машинами, подростки валялись на одеялах на берегу, а семьи закусывали в тени красных секвой, их дети плескались на огражденном веревкой участке воды.

Весь месяц после выпускного он посвятил изучению столярного дела с помощью Джека Вудинга. Ему нравились звуки пилы и молотка, запах опилок. Ему нравилось наблюдать, как подрастают дома, потому что он тоже принимал в этом участие. После того как он приходил домой, принимал душ и готовил себе ужин, на разговоры с отцом уже не оставалось сил.

У него редко бывали выходные, но когда это все-таки случалось, он шел сюда подышать свежим воздухом и помолиться. Будущее казалось ему туманным. Северная Корея напала на Южную Корею, и Организация Объединенных Наций приняла полицейские меры, что означало, что Америку подталкивают к войне. Нескольких мужчин, с которыми был знаком папа и которые находились в резерве, уже призвали на службу, а воинская обязанность снова восстановлена. У Джошуа было беспокойно на душе, и он никак не мог определить причину своей тоски.

В церкви Присцилла отозвала его в сторонку и сказала, что они с Питером беспокоятся за Абру.

— Она все время проводит в своей комнате, читает книжки или идет к Мици репетировать. Она говорит, что у нее все хорошо, но я очень в этом сомневаюсь. Питер пытался с ней поговорить, однако она подпускает нас к себе только до определенного момента, а потом между нами появляется невидимая стена. — Она ничего не просила, но Джошуа все понимал — она ждет, что он придет и поговорит с девочкой, попытается узнать, что у нее на сердце.

Он сам удивился, как сильно он этого хочет. Ей же всего тринадцать лет, в конце концов. А ему уже восемнадцать. Она все еще ребенок, хотя на выпускном он заметил, как быстро она взрослеет. Ее волосы стали темно-рыжими, появились первые признаки женственности. Папа заметил, как он на нее смотрит, и неодобительно глянул на сына. Он тогда посмеялся над собой. А сейчас собрался сказать Присцилле, чтобы она поискала кого-то другого, но, с другой стороны, он не хотел, чтобы она подумала, будто ему все равно. Просто он не знает, как можно поддерживать тринадцатилетнюю девочку, вдруг она не правильно поймет его отношение к ней.

Он всегда любил ее. Когда отец отдал ее Питеру и Присцилле, Джошуа сильно переживал. А теперь он беспокоился. Он никак не мог выбросить Абру из головы. Не мог избавиться от опасений, которые Присцилла вольно или невольно посеяла в его душе. *Абра страдает, Господи. Неужели из-за прошлого? Или с ней что-то происходит прямо сейчас? И с чем это связано?* Возможно, сказывается подростковый возраст? Она не уживается с Пенни? Как он может это узнать, если не пообщается с ней?

Абре нужен друг. Не более того. И не менее.

Джошуа возвращался в город на своем грузовике, когда на мосту вдруг увидел Абру. Она даже не заметила приближающийся сзади грузовик, пока он не просигналил и не окликнул ее в открытое окно:

— Не хочешь прокатиться?

— Привет. Конечно, хочу. — Она распахнула дверцу и запрыгнула внутрь.

— Я как раз думал о тебе, а ты тут как тут. — Джошуа тронулся с места. — Давно тебя не видел.

— Ты все время работал.

У нее были влажные волосы и покрасневшие от солнца щеки.

— Ты ходила купаться в парк Риверфронт.

— Первый раз за это лето. И больше не пойду.

— Поссорилась с Пенни?

— Нет. — Она приподняла одно плечо и стала смотреть в окно. — Просто мне не понравилось.

И он знал почему, но счел за благо промолчать.

— И какие у тебя планы на остаток дня?
— У меня? — Она с иронией посмотрела на него. — Планы?
— Очень хорошо. Я страшно проголодался. Не откажешься от гамбургера, чипсов и молочного коктейля? Позвонишь домой от Бесси и сообщишь своим, что ты со мной. Вряд ли они станут возражать.

Тоска тотчас исчезла с ее лица; от ее улыбки Джошуа сам растаял.

Их заказ приняла новая официантка, Сьюзен. Теперь Джошуа понял, почему папа стал чаще заходить к Бесси. Он спросил Абру, как она проводит лето, и та ответила: «Потихоньку». Тогда он отметил, что с каждым воскресеньем она играет все лучше, а девочка призналась, что по-прежнему страшно волнуется, когда садится за инструмент в церкви.

— Мици уверяет, что это пройдет, но у меня пока не получается.

— Как ей удалось уговорить тебя?

— Она сказала, что если я стану играть в церкви, она научит меня рэгтайму. И я пользуюсь теперь ее обещанием.

Он хмыкнул:

— Было бы смешно, если бы ты вдруг перепутала стили.

Она лукаво улыбнулась, чем напомнила ему Мици, и поспешила сменить тему:

— А ты чем занимаешься? Ты встречаешься с Лэйси Гловер?

— Мы расстались две недели тому назад.

— И твое сердце разбито?

Он положил руки на столешницу:

— Мы остались хорошими друзьями.

Сочувственная улыбка Абры стала кислой.

— Я скажу Пенни. Ее сердце возрадуется, когда она узнает, что ты снова свободен. И она забудет спасателя Кента Фуллертон.

Ему не понравился ее ехидный тон.

— Не вредничай.

Она собралась было защищаться, но передумала и откинулась на спинку стула:

— Иногда я устаю притворяться.

— Притворяться кем?

Она посмотрела на него и покачала головой:

— Неважно.

— Зато ты важна для меня. — Он наклонился к ней: — Что тебя беспокоит?

— Все. Ничего. Я сама не знаю. Просто я хочу.. — Он увидел внутреннюю борьбу и отчаяние на ее лице. Она не сумела объяснить и пожала плечами: — Мой гамбургер, чипсы и коктейль. — Она вежливо улыбнулась, когда официантка принесла их заказ.

— Вы ведь новенькая? — спросил Джошуа официантку, пока она не ушла. Женщина подтвердила, и он протянул ей руку: — Я Джошуа Фриман, сын пастора Зика, а это моя подруга, Абра Мэтьюс. Не сомневаюсь, Бесси очень рада, что вы у нее работаете.

— Так она, по крайней мере, говорит. — Сьюзен невесело улыбнулась. Она перевела взгляд на хмурую Абру: — Приятно познакомиться с вами обоими. Вам что-то не понравилось?

Джошуа прочел молитву и взял свой гамбургер:

— А ты случайно не влюбилась в этого спасателя?

— Пенни убила бы меня во сне. — Она стучала по бутылке с кетчупом, пока он не полился.

Джошуа усмехнулся:

— Нет ничего лучше гамбургера с кетчупом. — Абра улыбнулась. — А как вы познакомились с Кентом Фуллертоном?

Она тоже взяла свой гамбургер:

— На самом деле мы с ним еще не познакомились. Он спасатель в парке. В следующем году переходит в старшую школу, а еще играет в футбол. Все девочки по нему сохнут.

— И ты?

Она откусила кусочек и насмешливо посмотрела на него:

— Он выгоревший на солнце блондин, вылитый Адонис, и будет отлично смотреться с Пенни. — Она пожала плечами и откусила еще кусочек.

Он сменил тему.

Абра перечислила классиков, которых дал ей читать Питер. Пока она прочитала только шесть. А теперь отдыхает, читая романы Джейн Остин, учится у нее остроумной манере вести беседу. Джошуа рассмеялся.

После еды они отправились на площадь послушать музыкантов. Собирались семьи. Несколько пожилых пар танцевали во дворе перед беседкой. Джошуа взял Абру за руку:

— Пойдем потанцуем.

— Ты шутишь? — Она упиралась. — Я не умею танцевать.

Джошуа почти силой потащил ее:

— Не будь трусихой. Я тебя научу. — Он показал ей простенький шаг, положил руку на плечо и повел ее. Она извинялась всякий раз, когда наступала ему на ноги.

— Подними голову, Абра. Перестань смотреть под ноги. — Он улыбнулся. — Доверься мне. Закрой глаза и слушай музыку. — После этого дела пошли лучше.

Подходили новые пары. Пробили часы на башне. Песня закончилась. Джошуа отпустил девушку:

— Мне пора домой.

Абра пошла с ним. Унылое выражение на лице, которое Джошуа видел на мосту, исчезло. Она выглядела счастливой и свободной и больше походила на ребенка, каковым и являлась.

— Не хочешь пойти в поход в мой следующий выходной?

— Конечно, хочу. — Она радостно заулыбалась. — А когда это будет?

— В воскресенье. И я говорю о трех километрах в гору, а не о прогулке вокруг квартала. — Грузовик дважды чихал и глох, прежде чем завелся. — Пойдешь?

— Не знаю. — Она усмехнулась. — Ты уверен, что не будешь возиться с этой грудой железа?

Он улыбнулся в ответ:

— Только не в воскресенье.

Джошуа знал, что отца еще нет дома. Он сказал, что отправится к Макферсонам поговорить о Гиле, тот никак не может отойти от войны, на которой успел побывать. Регулярно звонила Сейди и просила отца прийти. Но он никогда не говорил, в чем дело, только то, что Гил служил санитаром и видел больше, чем следует.

Джошуа забрал из ящика почту и направился к крыльцу, просматривая конверты. Самое последнее письмо, адресованное ему, произвело эффект удара в живот.

Он положил почту отца на кухонный стол и с колотящимся сердцем открыл свое письмо. Прочитав, он сложил его обратно в кон-

верт. Затем огляделся и решил спрятать его в Библию для надежности.

Послышался рев машины. Джошуа не хотел говорить отцу о письме, во всяком случае, пока. Сначала он хотел помолиться и как следует осознать все. Ему нужно немного времени, потом он расскажет. Он чувствовал себя так, словно слон уселся ему на грудь.

Неожиданно лето стало для него совсем другим, нежели пару часов назад, когда он танцевал с Аброй.

Возможно, Господь пожелал закрыть для него эту дверь.